
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия).

НОЧИ ДИАНЫ*
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

2. Дорога

А потом они молча лежали на песке и слушали плеск волн. Ветер щекотал плечи и спину. Яна чувствовала, как по спине ползет муравей, но так хорошо было лежать на солнышке, что не могла она найти в себе сил, чтобы пошевелиться. А если засну? — думает она. Я засыпаю... Что Диана сделала со мной? Разве это я лежу сейчас на песке? Что-то изменилось во мне... Я не знаю, что, но мне нравится это.

— Что будем делать потом, Дианка? — спросила она не открывая глаз и осознавая, до чего странно звучит этот вопрос, произнесенный ею, более старшей, чем Диана, но в чем-то, и она это осознавала теперь, гораздо более младшей.— Что будем делать дальше?

— Мои импровизации тщательно продуманы, Янка. Мои сумасбродства под жестким контролем.

— Такое возможно? — Яна легла на бок и положила руку на согретое солнцем, теплое плечо Дианы.

— Ты же и сама это знаешь. Помнишь, ты рассказывала, как рисуешь акварелью. Ты говорила, что настоящая акварель любит полную свободу. Краски растекаются так, как им хочется.

— Да, так и есть.

— Но ты говорила, что, зная, что любит акварель, можно использовать ее особенности. Пусть она будет свободна, но там, куда ты ее направишь.

---

* Продолжение. Начало в № 4, 2018 «ПЗ».

— Да, это так.

— И точно так же делается жизнь. Ведь, если честно, Янка, жизнь гораздо интереснее всех акварелей и всех книг. Мне очень нравится сочинять истории, но гораздо интереснее сочинять саму жизнь. Я вот иногда думаю, люди читают книги, в которых авторы показывают, как чудесен окружающий нас мир, и многие из этих людей живут в этом прекрасном мире. Кто-то живет у моря, видя смену всех времен года, кто-то среди лесов, слыша в открытые окна, как шумят деревья, чувствуя, как роскошен аромат листвы после дождя. Кто-то живет среди гор, рек, полей с их туманами, снегами... Они живут среди красоты, осознают это, но...

— И в чем же вопрос? — полуобернулась к ней Яна.

— Но они снова тянутся читать книги, в которых говорится о красоте мира.

— Зачем читают?

— Да. Зачем. Почему бы просто не жить?

— Им чего-то не хватает. Чего-то такого, что дают им книги.

— Да. Такое чувство, что им чего-то не хватает. Но чего? У них ест все. Я знаю одного парня, у нас там, в Юрмале, который обожает диски со звуками природы. Зачем, спрашиваю я у него? Ведь звуки природы все время вокруг нас. Вон, дождь идет, гром гремит, море шумит. Зачем платить за это деньги?

— Многие считают, что счастливыми их сделает только то, что можно приобрести за деньги. Ты заплатил за это деньги и, следовательно, это представляет ценность. Все, что бесплатно — даже не дешево, а нечто совершенно бесполезное. Но твой первый вопрос был совсем о другом. Чего не хватает людям и что они ищут в книге... Потом я тебе скажу, в чем тут дело.

— Ты уже знаешь?

— Да. Но давай потом. А то уже идти надо.

— Кажется, мы уже высохли,— Диана быстро поднялась, надела шорты и помогла подняться Яне.

— Дианка,— прижала руки к груди Яна.— Моя коляска! Я совсем забыла о ней.

— Заметила, что ты сейчас сказала! Если больной забыл о лекарстве, значит, он выздоравливает.

— Да, ты меня и вправду... Раскочегарила.

— Дай мне возможность, и я из тебя Афродиту слеплю... Ты у меня не то, что по земле пойдешь. Ты пойдешь по водам, аки по суху...

— Болтушка, пошли скорее посмотреть, стоит ли еще моя коляска. Очень удивлюсь, если стоит.

— На месте она. Можешь мне поверить. Тут народ культурный. Тут даже комары, заметила, какие вежливые. Ни один нас не укусил за это время.

— Просто на море их не бывает.

— Да вон, летит, и вон, еще... Тут же лес рядом. Полно их тут.

Дианка взяла Яну под руку, и они пошли назад, к выступающему в море мысу. У его оконечности все так же колышутся хаотичные, грозные валы. Даже не верится, что за поворотом, где они купались, было так тихо и безмятежно.

На берегу уже никого. И коляска Яны стояла на гребне дюны, среди высокой травы, раскачиваемой из стороны в сторону ветром.

— Садись, отдохни. А то ты набегалась,— предложила Диана, когда они поднялись к коляске и еще раз оглянулись на море.

Легкие, розовые облака летели по чистому небу. В синеве, на востоке, уже проступили предвечерние сумерки. И в этой плотной синеве ярко горели оранжевые стволы сосен с пышными ярко-зелеными кронами.

— Картина Гогена,— показала Яна на оранжевые сосны на фоне неба.

— А представляешь, как Сезанн это бы написал! А Ван Гог! Да... Куда ни повернись — Лувр и Третьяковка...

— Так и есть,— согласилась Яна.— Все, что сегодня происходит, лучше любого романа. Опиши это?.. У тебя получится хорошая книга.

— То, чем мы живем, будет ли интересно другим?

Диана молча покатила Яну по песчаной дороге. Над ними синее небо, яркая зелень сосен и стволы деревьев, озаренные заходящим солнцем. Казалось, расплавленное золото стекает со стволов и капает с ветвей — так вспыхивают на солнце мошкара и дикие пчелы.

Диана выкатила коляску на опустевшую автостоянку, и ее внимание тут же привлек пикап марки Jeep с работающим мотором.

— Эй-эй! — закричала она и, оставив Яну, выбежала наперерез разворачивающейся машине.

— Что же ты под колеса то лезешь! — высунулся из кабины водитель, но в голосе его прозвучали до того добродушные нотки, что Диана поняла — они спасены.

Был он круглолиц, с веселым прищуром карих глаз на смуглом лице с маленькими усиками.

— Не подбросите нас немного? Меня и мою сестру...

— Эх, годочков бы двадцать назад, подбросил бы вас с удовольствием,— усмехнулся он,— А сейчас — спина...

— Я в смысле — подвезти. Хотя бы до дороги на Юрмалу.

— Садитесь. Так и быть, подброшу... Прошвырну вас до трассы на Юрмалу. Мне все равно в ту сторону. Мы с внучкой еще дальше едем.

Заметив в окно Яну, он быстро смекнул, что к чему, вышел из машины и проворно закатил коляску в кузов пикапа. Диана тем временем помогла Яне сесть на переднее сиденье. В кабине машины, на заднем сиденье, пристегнутая к специальному детскому креслу, сидела девочка лет шести и ела булочку с маком. Это окончательно успокоило Диану, которой не хотелось нарваться на «приключения» с незнакомцем. Девочка придвинула к себе расстегнутый рюкзачок, наполненный игрушками, детскими книжками, печеньем, желевыми конфетами и многими другими, важными в путешествии вещами. Диана устроилась рядом с ней, подмигнула, отчего та ухмыльнулась и отвернулась к окну.

— Хорошая у вас машина,— заметила Диана.

— Да. Машина что надо, но она не моя, а зятя. У меня машина попроще.

Яна смотрела на деревья, мелькавшие за окном и, зная, что слева и справа за деревьями море, снова ощутила то чувство неустойчивости, которое почувствовала приближаясь к мысу. Ей снова казалось, что едет она по зыбкому настилу, проложенному в море. Море, она чувствовала, ощущала его за стенами леса.

Диана уже наладила контакт с маленькой попутчицей. Та показывает ей свои сокровища, которые нашла на берегу мыса. Янка вспомнила Дианкины детские письма, в которых та ей писала о своих морских находках. Они понимают друг друга с этой девочкой, подумала она. Такое чувство, что Диана, осталась тем же самым ребенком. И, слава Богу, что осталась. Самое ценное в каждом человеке — тот самый ребенок, что все еще теплится в нем. Это как крохотные горящие угольки в холодной золе, когда чуть разворошишь ее. Немного грустная аналогия, подумала она, но разве мир не грустный, если приглядеться к нему повнимательнее? Все так и есть. Угольки только и горят. И дают немного света.

Диана разглядывает деревянные «обмылки», как она их называет, ракушки, камешки и это для нее вовсе не игра. Это ей интересно. Какая же Диана... морская. Ес-

ли бы мне захотелось написать о Балтийском море, то рассказывать пришлось бы о Дианке. А если рассказывать о Дианке, то речь пойдет о море.

— Не дует? — водитель чуть приподнял стекло у двери возле Яны.

— Нет, все хорошо. Диана, как тебе?

— Нам тут замечательно. Янка, тут столько всего! Совсем другие ракушки, чем у нас. Ты заметила? — обратилась она к девочке, — сегодня даже медузы были.

— Нет, я не видела, — посмотрела на нее девочка голубыми, как небо, глазами.

— А мы купались, и видели. Но медузу домой не унесешь. Верно?

Девочка огорченно, с легким кивком, согласилась.

— А у тебя дома есть какие-нибудь зверюшки? — спросила у нее Диана.

— У меня два кота. Пичик и Барсик.

— Два кота!?!..

— Ну, сначала у нас был Барсик, но он однажды пропал. Целый месяц его не было! Мама с папой решили, что он совсем пропал, и взяли Пичика. А тут вдруг Барсик возвращается.

— История... Ну и как, они подружились?

— Не-а.

— Дерутся?

— Нет, не дерутся, но Пичик все время уходит со двора. Мои подружки, ну те, что рядом живут, говорят, что он у них во дворе спит. То у одной, то у другой во дворе спит. Или в сарае.

— Бедный Пичик! — заметила Диана и, коснувшись плеча Яны, шепнула, — эта история мне где-нибудь пригодится.

— Вот-вот, как раз то, что я тебе говорила, — абсолютно все когда-нибудь пригодится.

— Коты — они такие, — продолжила Диана разговор с девочкой. — У них свои разборки и понимают они друг друга без слов. Барсик, как только вернулся, ему сразу дал понять, мол, — «Чувак, будет хорошо, если ты сразу врубишься, кто тут хозяин. Поэт! Так что, вали от сюда. И мне не попадайся...»

Девчонка прыснула от смеха.

— Барсик, он такой и есть — хулиган и вор. Таскает из кухни то рыбу, то колбасу.

Яна полулежит, откинувшись на спинку кресла, и слушает их. Машина свернула на шоссе и быстро понеслась среди перелесков и холмистых полей. Озаренная оранжевым закатным солнцем дорога летит навстречу под колеса машины, мелькают за окнами сосновые стволы, яркая зелень берез, а потом снова тянутся длинные сосновые леса с густым подлеском и сгущающимися сумерками между стволами.

— Еще у нас есть поросенок, — послышался сзади голос девочки.

— Ха!.. Поросенок! Слышала, Янка? А как звать его?

— Никак. Просто поросенок, — девочка развела руками в стороны.

— Ты, наверное, кормишь его.

— Конечно. Он больше всего яблоки любит.

— Она даже катается на нем. Наша Инесса любит пошалить так же, как и Барсик, — заметил водитель, улынувшись уголком рта. — Расскажи, как ты его цветными фломастерами разрисовала.

В зеркальце Яна увидела, как Инесса улыбнулась, прикусив нижнюю губу. Она порылась в своем рюкзаке и протянула Диане большую перламутровую ракушку.

— На...

— Ой, спасибо! Ты мне даришь? Неужели такие есть в море? Никогда не видела.

— Нет, это у нас на реке я нашла.

— А что же это за река у тебя?

— Вента.
— У нас там красиво,— заметил водитель.— А вы, похоже, в Юрмале живете.
— Да, сегодня решили попутешествовать.
— У нас там много путешественников по реке сплавляются. На лодках, на катамаранах. Бывали на Венте?
— Я была однажды, а моя подруга не была ни разу. Да... Вента это классно!.. А что, вы нас туда подвезти можете?
— Подвезти, нет проблем, но куда же на ночь-то глядя? Что вы там увидите? Поздновато мы туда доберемся. Ведь нам еще ехать и ехать.
Водитель оглянулся на Диану, чтобы посмотреть, не шутит ли она.
— Это как раз то, что нам надо,— заметила Диана.— Я помню, там, в лесу, есть отель. Его еще «Бочкой» называют.
— Знаю «Бочку». Мы будем мимо проезжать.
— Вот, можете вы нас туда подвезти?.. Это было бы так здорово!
Водитель чуть помолчал.
— Если хотите, пожалуйста.
Яна некоторое время раздумывала, что же сказать Диане, после всего, что она сейчас услышала, но, к своему удивлению, ей ничего не захотелось говорить. Глядя на несущуюся на них дорогу, она думала: Диана, как поток, подхватила и понесла ее во что-то новое и такое странное. Но, Боже, как это здорово — нестись вперед и не знать, что будет дальше? Река с таким красивым названием — Вента, отель со странным названием «Бочка», надвигающаяся ночь, безрассудная Дианка... А может и правда, надо расслабиться, отдаться потоку. Сегодня такой день, каких еще не было у нее в жизни. И она вдруг поняла, что не хочет, чтобы заканчивался этот день, а, когда наступит ночь, то не хочется, чтобы заканчивалась и она.
— Сейчас, минутку, позвоню мужу,— сказала Диана и зажала кнопки.— Наши рыбачки там совсем зарыбачились, Янка. Сейчас мы им, родимым, напомним о себе!.. Впрочем, мы о них тоже сегодня забыли. Правда, Янка? Але-але!.. Привет! Как вы там? Скучаете? То-то! А мы с Янкой тут куролесим во всю. Сейчас вот с мыса возвращаемся.
— Это кто? С кем ты говоришь? — обернулась к ней Яна.
— Это Ник, потом Женьку тебе дам,— шепнула ей Диана.— Ночью тоже будете ловить? Вы там осторожно. Не ходи по кустам в темноте. Слышишь? Я там, в прошлый раз, змею видела... Мы? Так я же говорю, с мыса возвращаемся... Да... Слушай!.. Але-але! Ты слышишь меня? Что-то со связью... Ник, тут потрясающая возможность подвернулась. Такие замечательные люди попались, и они... ты слышишь меня?... и они могут нас подвести в тот отель — «Бочку». Помнишь? Это же потрясающе! Мы там остановимся, а завтра Янке Венту покажу. Ну, как, одобряешь? Во, я знала, что мы с тобой одной крови! Да... Слушай, там у берега, в кустах, глубокие ямы были. Помнишь? Ты там осторожно, не провались... Там есть еще кто-то на берегу? Ну, тогда хорошо. А мы, что... За нас не беспокойтесь. Сейчас доедем, сниму номер... Так я карточкой и расплачусь. Серьезно? Хм!.. Совсем забыла. Мы тогда что, с карточки платили? Слушай, у тебя же планшет с собой. Перекинь мне сотню евроков на счет... Мне на следующей неделе аванс за книжку пришлют, так что все нормально... А Женька там далеко? Я Янке трубку даю, а потом из отеля позвоню... Ты не забудь денежку перекинуть. И будь осторожен!
— Диана, о каком это авансе ты говоришь? Ты ничего мне не рассказывала.
— А, это у нас с Ником шутка такая. Считаю, что репетирую то, что будет когда-нибудь в будущем... Бери, сейчас Женька подойдет.
Диана протянула Яне телефон, нагретый от ее руки, и та приложила его к уху...

А машина, сделав крутой вираж по кольцевой дороге, пошла на подъем, на мост, и они пронеслись над рекой, в которой отражались золотистые облака и темнеющее небо. Потом стремительный спуск с моста, и лес отодвинулся вдаль и долго тянулся голубой стеной далеко на горизонте, за холмистыми полями с клиньями перелесков, у которых виднелись хутора и иссушенные солнцем, побитые дождями пепельно-серые сараи.

— А вы приезжая, наверное? — обратился водитель к Яне.

— Да. Я из России.

— И как же там Россия живет?

— Трудно сказать. По разному люди живут. Вообще-то мы с мужем в последнее время живем в Англии, но это временно, у него там работа. У человека должен быть дом, но дома я себя пока нигде не ощущаю. Вот только когда к Диане приехала, почувствовала себя дома. Да... С ней я даже на этой дороге чувствую себя дома.

— Угадайте, а откуда я,— сказал водитель и улыбнулся Яне.

— А разве вы не латыш?

— А что, есть акцент?

— Едва-едва... Что-то промелькнуло.

— Вообще-то, я литовец. А где я родился, так это целая история. Мой отец, это перед войной было, работал в Латвии. Потом пришли русские. Однажды приехал к нему какой-то начальник и говорит, что несколько машин бревен ему надо. Отец отвечает, что без проблем, только разрешение на рубку надо. Ладно... Начальник тот попытел и уехал, а через какое-то время отца арестовали. И сослали в Сибирь. Казалось бы, все, хуже и не бывает. Вот она, погибель пришла. И что бы вы думали! Вообще, какие в жизни бывают повороты! Одним из начальников в этом лагере оказался его друг по школе. Представляете! Последние годы за одной партией сидели. Во как бывает в жизни!

— Да! — вздохнула Яна. — И что потом?

— Он и говорит отцу — помогу, мол, тебе. Не сразу, но помогу. И действительно, помог. Через год отец был уже на поселении и работал опять же лесником. Хороший лесник и там нужен. Прошло время, война уже кончилась, отца реабилитировали, он женился, а в сорок шестом году я и родился. Так что, сибиряк я. Места там у нас были потрясающие. Летом с ребятами в ночное ходил, коней пасли. Чудо как хорошо было! А случалось и одному остаться в ночном. Дадут с собой краюху хлеба да молока, вот и вся еда. Помню, филин меня крепко напугал. Я под телегой спал, ночь, тишина вокруг, а тут вдруг как захохочет кто-то надо мной... Это, я вам скажу, не шутка. Мне-то лет семь было.

— Суровая у вас жизнь была,— сказала Диана.

— Да как суровая... Я только потом понял, что суровая, а тогда все казалось нормальным. Другого я и не видел. Отец уже умер тогда, жил я с матерью. В школу километров пять идти надо было. А зимой, в мороз, это не шутка. Ходил, не болел ни разу. Это сейчас, чуть что, носами шмыгают. Может, и суровая жизнь была, но и закаляла она. Помню, было мне тогда лет шесть, послали меня в соседнее селение, а идти надо было километров десять, может, и больше. Иду, это летом было, жарко, долго полем идти пришлось, все жду, когда до леса доберусь, чтобы хоть какая-то тень. И слышу вдруг стук копыт позади. Смотрю, всадник. Подскакал, чуть коня осадил, остановился рядом со мной. Видит же, что пацан на дороге, а в оба конца до жилья очень далеко, и спрашивает

— Ты откуда, парень? Куда идешь?

— Я сказал ему, откуда я и куда иду.

— А!.. — проговорил он и покачал головой. — Ну-ну...

Коня пришпорил и поскакал дальше. Я тоже дальше пошел. Слава богу, не тронул, все хорошо. А потом только, спустя годы, удивился, как же ему не пришло в голову меня подвезти. Ведь видел же, как далеко мне идти, совсем еще пацаненку. Да... Такие вот, дела.

— А потом сюда вернулись.

— Ну, как — «вернулся»? Родина моя не здесь, получается. Просто жизнь так снова повернулась, что оказался я здесь. Жизнь, я вам скажу, это такой водоворот!

— Много было и несправедливости, и горя. У очень многих.

— Да, но нельзя жить какими-то обидами. Надо жить дальше. Что было, то было. История, это такой я вам скажу ураган. Нельзя судить о каких-то событиях или людских поступках, не понимая времени, когда это происходило. Я однажды это очень хорошо увидел в реальной жизни. Могу рассказать.

— Да, интересно. Расскажите,— придвинулась к ним сзади Диана и чуть коснулась плеча Яны.

— Пару лет назад был тут у нас сильный ветер. Считай ураган, у меня, вон, с крыши жесть сорвало. Так вот, еду я на машине, вокруг все бушует, деревья гнутся, и быстро летят в небе облака. С востока летят на запад, так как ветер как раз оттуда — с востока. Вижу, вдруг, ворона летит, вернее, не летит, а несет ее ветром, как темную тряпку — с востока на запад, по ветру. Еду я дальше, а это, кстати, осенью было. И вижу вдруг: клин птиц летит, может, гуси, не знаю. И летит он с востока на запад. Понимаете? Им же на юг положено лететь, но несет их ветром на запад... Вот я и подумал потом, представьте, прошло время и какие-то другие гуси, другие поколения начинают судить тех гусей — как же так! Нарушили все вековые наши законы! На юг надо было лететь, так нет, на запад летели! Судить их! Наказать!.. Посмотрел бы я в тот день на этих судильщиков. Вообще бы никуда не летели, забились бы куда-нибудь и не рыпались. Нет, нельзя никого судить, живя в другие времена. Много чего было, но и много чего будет в нашем новом веке. Люди умнее не стали... Ладно... Хватит об этом. Как там Инесса, спит, небось?

Совершенно стемнело. Девочка на заднем сиденье и вправду заснула, полуобернувшись к окну. По ее щеке и волосам пробегали блики света от проносящихся придорожных реклам — красные, желтые, голубые. Две цепочки фонарей тянулись вдаль, словно драгоценные ожерелья, украшенные сверкающими огнями на фоне черного неба.

— И все же,— произнесла Диана,— не встретить ваш папа того своего друга, может, и не ехала бы сейчас Инесса с мыса, а может, и машины этой бы не было сейчас на дороге.

— Все это так, но... знаете, как говорят — «чему быть, того не миновать». Если нам сегодня было суждено ехать по этой дороге, то все силы неба трудились над этим.

— Судьба? — спросила Диана.

— Да, судьба. И от нее не ушел никто из тех, кто подвергал сомнению ее существование. Если мы чего-то очень хотим и прилагаем все силы, чтобы добиться этого, то не может не сбыться.

— И это сбудется, даже если мы не будем предпринимать никаких усилий для достижения этого.

— То, что мы прикладываем усилия, тоже — часть нашей судьбы.

— Как все сложно,— проговорила Диана.— Но мы едем по этой дороге. И, слава Богу!

Машина свернула с трассы к заправке, и они остановились.

— Давай выйдем,— предложила Диана, когда водитель стал заправлять машину,— ноги разомнем. Мы уже скоро приедем. Как ты, не замучила я тебя?

— Что ты, Диана, я с тобой только и делаю, что отдыхаю. Давай выйдем.

Ночь была звездной, дул прохладный ветер. Диана взяла Яну под руку и повела к входу. За заправкой виднелась в темноте цепочка фур, водители которых готовились к ночевке. Оттуда доносилась музыка, голоса людей. Между машинами бегала белая собачонка и радостно лаяла. А на самой заправке, в небольшом торговом зале, люди из подъехавших машин, покупали напитки, сэндвичи, дети гоняли по залу и выбирали сладости.

Диана зашла купить кофе и сэндвичи, а Яна осталась снаружи. Она радостно вдыхала свежий ночной воздух, чувствовала запах крепкого кофе и соблазнительный аромат печеных булочек. Напротив нее, через дорогу, простиралось поле, залитое ночной тьмой, только поблескивала волнуемая ветром трава на обочине, да горело несколько огоньков во тьме — красный, желтый, голубой и снова желтый. Она смотрела на темное небо над полем, и ей казалось, что оно время от времени вспыхивает, словно зарница или далекая молния вдали, и она видит лишь слабый их отблеск.

Появилась Диана с пакетом.

— Я купила нам по сэндвичу и кофе. Давай подкрепимся. А где наш друг?

— Кто?.. А... Тоже пошел, наверное, купить что-то.

— Ну и отлично. Давай тут на багажнике и расположимся. Не устала стоять? Можно и внутри.

— Нет, здесь хорошо. Мне нравится здесь. Мы с Женей стараемся, конечно, выбираться, но так, ночью на заправке, я еще не ужинала.

— Знала, что тебе понравится. Бери этот с курицей, а этот с тунцом.

Подъехали еще две машины, и шумная компания ребят зашла в торговый зал заправки. Дверь осталась открытой, и музыка зазвучала еще громче, уносясь к далеким огням во тьме.

Сэндвич с тунцом показался Яне очень вкусным, а кофе был без сахара. Эх, Дианка, все то она знает, все ее вкусы и привычки. А теперь еще и эту ночь подстроила. Ведь подстроила же она ее. Нет, Диана вовсе не писатель, а что-то совсем другое под видом писателя. Слишком уж она любит реальную жизнь, чтобы ставить выше нее что-либо еще. Если бы Диане удалось написать что-то для нее очень важное и сокровенное, то она, наверняка, перестала бы писать. Да вон, и сама она сказала, что пишет лишь для того, чтобы читали Лескова... Глупенькая!.. Не скоро его станут читать. Хотя кто-то ведь и читает. Не все так плохо.

По трассе проносились редкие машины. Толпа парней с большими пакетами снова загрузилась в машины и, ухая музыкой в салонах автомобилей, укатила по шоссе, куда-то туда, где сходились две цепочки огней по краям дороги.

— Хорошо здесь! — вдохнула в себя ночной воздух Яна и, улыбнувшись, добавила. — Ты показала мне ночь.

— Да, — отправляя в рот последний кусочек сэндвича, согласилась Диана. — Я тебе много чего еще покажу. Ты только не сопротивляйся. Я сейчас нахожусь в межроманье. Глядишь, и идея какая-нибудь появится.

— Ты вот говоришь, что сейчас находишься в «межроманье», так возьми и напиши обо всем, что сегодня было.

— Нужна же какая-то идея, мысль. А что сегодня, собственно, было?

— Было все, что нужно для того, чтобы человек был счастлив.

— Ну, тогда у каждого человека всегда есть все для того, чтобы он был счастлив. А для этого нужно совсем немного, а что именно, это будет наш с тобой секрет.

Показался водитель машины. Дианка быстро скомкала пакеты и, подойдя к входу в торговый зал, выбросила в урну.

Машина снова набрала скорость. Яна откинулась на спинку сиденья и, зажмурив

глаза, смотрела на огоньки за окнами, любовалась тем, как играют лучи, кружатся, сливаются в цветной калейдоскоп.

— Ну вот, — сказал водитель, — почти приехали. Эту «Бочку» ты имела в виду?

— Да-да, это она. Яна смотри, сейчас тут темно, но отель стоит на горе. Тут кругом сосны и чудесный воздух. Завтра ты все рассмотришь... Вы знаете, — обернулась Диана к водителю, доставая кошелек, — давайте я поучаствую в бензинчике, сейчас он не дешевый.

— Брось это дело. Мне по пути. Да и ребенка заняла, а то умучила бы меня Инесса вопросами.

— Спасибо вам, что довезли! И рассказали столько интересного.

Яна вылезла из машины и, держась за прохладный металл капота, впервые почувствовала, каким длинным был сегодняшний день. Боже, сколько всего было! Обычно ведь дни так быстро летят, а сегодня, кажется, что время перестало существовать и есть просто «сейчас», есть «этот миг». А то, что стемнело, и наступила ночь, и дорога была такой длинной, то ко времени это не имеет никакого отношения. Это похоже на смену декорации, чтобы было интереснее, чтобы отделить одно ощущение от другого. Эта ночь просто иллюзия, подарок бытия и существует здесь и для них. А где-то в этот миг светит солнце и длится для кого-то долгий летний день. Но ведь так и есть. Прямо в этот миг, где-то сейчас полдень, и людям под жарким солнцем трудно представить, что стоит сейчас кто-то, подрагивая, на прохладном ветру, в ночи, на лесистом холме, у незнакомого отеля.

Яна огляделась. Отель был очень большой, и полукруглым верхом напоминал гигантскую бочку. Да, они на высоте, Яна чувствовала это. Она слышала, как шумят на ветру высокие ели, ощущала их аромат, и едва видела, как в пяти шагах от нее начался крутой лесистый спуск. Деревья погружались в этот обрыв, исчезали во тьме, становились тьмой.

Зато отель на горе сияет перед ней огнями окон. Что же будет дальше? Что еще придумает Дианка? Это становится интересно. Дианка колдунья, маленькая ведьмочка. Она рисует эту ночь, ворожит, выдумывает ее, но в то же время, ведь все реально до щекощущего чувства в груди, когда вдыхаешь прохладный воздух, слышишь гул вершин деревьев и угадываешь их в ночи только лишь потому, что они закрывают собой звезды.

(Продолжение следует)

Борис Рябухин
(г. Москва)

ПОЛЫЕ ВОДЫ
роман

Президент Академии российской литературы. Поэт, драматург, прозаик, критик, переводчик, вырос в Астрахани, окончил технический ВУЗ и ВГИК. С 1966 г. переехал в Москву. Работал в «Молодой гвардии», «Литературной газете», «Юности», «Художественной литературе». Член Союза журналистов (1973), Союза писателей СССР и России (1986), Академии российской литературы (2013). Автор 30 книг. Лауреат Литературной премии имени Николая Тихонова (1999). Награжден в конкурсе на лучшую книгу года Московской городской организации Союза писателей России медалью «Литературный Олимп» (2013) и литературной премией «Серебряный крест» (2014). Удостоен первой премии в конкурсе «О казаках замолвим слово» (2014).

Глава первая **ПОД ОТЧИМ КРОВОМ**

«Я, твоя мать, Чернова Полина Алексеевна, родилась 16 октября 1917 года...» — начала свой дневник воспоминаний постаревшая мать Бориса Семеновича.

Прожила учительница Полина Алексеевна жизнь и не знала, что справляла свой день рождения, как и многие ее сверстники, не в тот день, когда родилась. Потому что даты рождения в документах были указаны по старому стилю, а жили по новому стилю. На тринадцать дней разница. Бабушкам легче, потому что бабушки, по православной вере, справляли не дни рождения, а дни своих именин. Но и именины исчислялись по новому стилю. Вот в такой лжи с самого рождения и жили люди. «Бедные люди», как назвал свою повесть Федор Михайлович Достоевский. Но они не знали, что они «бедные люди».

Итак, родилась Поля под оружейную канонаду в городе Астрахани. Родилась недоношенным семимесячным ребенком, очень болезненным. Вес ее был всего четыре фунта (весила — килограмм шестьсот грамм), а ногтей по малости еще не было. Бабушка Полина такую крошку «допекала» — согревала, выхаживала. И выходила.

Позже сын Полины Боря все фантазировал, будто в момент рождения своей матери Поли он тоже начал свою, можно сказать, «утробную жизнь». И по этой фантазии ему будто прибавлялось еще материнских лет столько, сколько прошло от рождения Поли до рождения Бори. И столько же прибавлялось, наверное, лишений и радостей. Ведь все откликнулось ему и в «утробе» матери Полины. Выдумщик!

Бабушка говорила маленькой Поле: «Гремели выстрелы, и ты закричала, как будто испугалась этих выстрелов, когда родилась».

Затем Полю увезли в село Петропавловку. Это — родина ее пращуров по мате-

ринской линии. В свидетельстве о рождении, в «метриках», а потом и в паспорте записано, что Поля родилась в селе Петропавловка Астраханской области. А бабушка вспоминала, что Поля родилась в Астрахани. Провалы памяти?

Бабушка у Полиной матери — Аксины — Пелагея Александровна Подлипалина, по мужу Константинова, с малых лет работала у купцов — рыбопромышленников Филимоновых. Их, Филимоновых, было три брата. Они держали свои рыбные промыслы. Жадные скорпионы, как все промышленники.

Большая семья была у Пелагеи Александровны. Очень бедная, безлошадная. В живых остались Аксины, Натуся и Варя.

Промышленники Филимоновы из них сосватали прислугу Аксины Подлипалину за Василия Константинова. Этот дедушка маленькой Поли был каким-то отпрыском Филимоновых, но бедным, болезненным. Он рано умер, поэтому Поля его никогда не видела.

А свою бабушку — тещу Поля хорошо помнила уже старую, «но не очень». Она любила внучку Полю сильно, как себя, и жалела больше всех ее сестер и своих дочерей. И Поля в ответ тоже очень ее любила — и сохранила о ней самые светлые воспоминания. Тогда в маленьком домике бабушки Поли жили ее дети Андрюша, Шуранька, Оля и семья Аксины.

Все работали на Филимоновых. Шуранька и Оля нянчили детей, мыли полы, доили коров, выполняли всю черновую работу — а ее было невпроворот. У одного брата Михаила Филимонова была жена из Астрахани, некрасивая Екатерина Степановна. Она полюбила Аксины и взяла ее в свой дом гувернанткой. У Аксины не было образования, но воспитание нужное она впитала, глядя на грамотную и «воспитанную» Екатерину Степановну. Хозяйка была не такая жадная, как все Филимоновы. И Поля считала, что ее мать Аксины была у Екатерины Степановны как подруга.

Аксины гордилась, что служила в привилегированной семье. А ведь все ее счастье — прислуживать «у блюда». Подавать кушанья, сервировать стол, чего были лишены другие ее родичи. Много с Екатериной Степановной они стряпали, благо, что все продукты доставлялись Филимоновым корзинами. Например, пекли торт Наполеон из 19 яиц, по рецепту. Не как Поля в молодости — из двух яиц, и то считала — вкусно. Иногда хозяйка дарила Аксины на праздник золотые вещицы — то кольцо, то браслет, то серьги. Это Поля в своих рассказах, конечно, преувеличивала. Тоже хотелось похвалиться.

Бедная Поля берегла капли гордости. Поэтому и подчеркивала, что ее мать Аксины была не в полойках, а у блюда. Разве не от этого слова — ублюдки? Позже справную прислужницу Аксины купцы Филимоновы держали за экономку. Но недолго. Потому что, когда Аксины исполнилось 16 лет, купцы Филимоновы сосватали Аксины Васильевну Константинову за своего исправного плотника Чернова Алексея Тимофеевича. Хотя он ненавидел этих купчиков. Заразил его тогдашний революционный дух, а вернее жажда воли и самостоятельности.

Чернов с юности был хорошим плотником, и у промысловиков Филимоновых работал по плотницкой части. Когда Аксины вышла замуж за Алексея Тимофеевича, шла Первая мировая война, как ее называли, германская война.

«Отца взяли на фронт,— вспоминала Полина,— мама ездила к нему. После этого родилась и я».

Вот тут, наверное, и начались сплетни «доброжелательных» соседей о том, что Поля — чужая в семье. Хотя она и похожа на сестер, особенно на свою младшую сестру — Ладу, но есть и отличие...

Ранние годы Полина помнит смутно, как и все в пожилом возрасте. Нянчили ее

тетки и бабушка. Тетя Шура (Шуранька) и тетя Оля были еще девушками. Хоть были они не очень красивыми, но ходили гулять с ребятами. А Поля, маленькая, почему-то всегда тащилась за Шуранькой. Никак та не могла от нее увильнуть, когда нужно идти на свидание. Поля всегда бегала за ней «хвостиком», как собачка. Видимо, для нее не было ближе людей.

Как-то раз Шуранька ее обманула и убежала. Поля спохватилась, а нянька уже далеко. Как бедняжка Поля бежала за ней, как страшно кричала, как будто навек расставалась. Откуда ни возьмись, появился отец. Схватил Полю в охапку и принес домой. Не успокоил, а дал подзатыльник и посадил в чулан к крысам, которых она очень боялась. Сколько она просидела там, в чулане, неизвестно, но молчала, потому что отца боялась больше крыс.

Еще был памятный случай, когда Оля и Шуранька со всеми девчатами на бахче справляли праздник — семишник, а маленькую Полю заставили пугать грачей. Но ей тоже хотелось посмотреть, как готовят из солодового корня (в деревне говорили — солодский корень) какой-то напиток. И вместо грачей она подсматривала за девчатами. На беду, в это время налетела на бахчу туча грачей, и все арбузы поклевали. Откуда ни возьмись, появилась бабушка Поля. И давай грачей всех клеванными арбузами шугать.

После нагоняя за плохую охрану арбузов маленькая Поля дома рассказывала: «А бабушка их айбузами, айбузами, так гоняла, так гоняла!..».

Бабушка Поля была вдовой, рано потеряла мужа Василия. Перебивалась, как могла, пока ее дочь Аксинья была не замужем. Держала маленькую бакалейную лавочку. Годы были трудные для всех, а для бедных людей — тем более.

Пелагея Александровна торговала панером. Делала его из кислого сепарированного молока, откидывала после закваски в марле, и получался ком. Этот творог клали под жом, а затем резали ножиком. Он, как брынза, только маслянистый и не соленый. Маленькую Полю бабушка иногда брала с собой в Астрахань, сторожить корзинки с панером. Возила его на базар на пароходе «Ласточка». В Астрахани на берегу, как на ярмарке, торговали всем: рыбой, молоком, арбузами, фруктами и овощами. Весь берег был усеян чалками сухой воблы, как снегом. Тут варили и рубец (потроха, коровий желудок). Очень вкусная похлебка, Поля ее очень любила.

Раз бабушка Поля куда-то отошла, а полицейский подошел и закричал:

— Что вы тут расселись? Чьи корзинки?

Караульщица пяти лет испугалась — и в рев. Подбежала бабушка Поля, и успокоила внучку.

В Астрахани, в тесной комнате коммунальной квартиры, жила бабушкина сестра тетя Натуся Подлипалина с дочерью, тоже Натусей. Бабушка Поля с внучкой Полей там и останавливались, когда приезжали из Петропавловки со своим панером.

«Это были светлые дни в моем детстве,— вспоминала Полина с задумчивой улыбкой.— Ехать на пароходе — одна прелесть. До сих пор люблю Волгу и пароходы. А дома вновь начинаются будни».

Сын Полины Боря долго помнил дом этой «бабушки старенькой», как ее называл. И видел во сне ее старый дом на три окна.

Вообще-то первой в семье Аксиньи была дочь Елизавета, а Полина родилась через год за ней. Росла Лизавета, как ее звали, болезненной, много раз заражалась тифом, впоследствии стала эпилептиком. Она окончила четыре класса, и ее отдали в Астрахань учиться дальше. Так что с ранних лет она не жила с семьей. Наверное, ей и голодать приходилось, и самостоятельность ронять. Полина, вспоминая это, качала головой. Лизавета стала нечиста на руку, но крала у своих, а не у чужих. Но разве это

оправдание воровства? Отец сильно ее бил. Полине было жалко сестру. Она заступалась за нее, а за это ей самой попадало от отца. Тогда начинался кошмар. Елизавета убегала из дома. Отец ведь бил больно, он был очень здоровый, крупный и сильный.

Но Лизавета так и осталась вороватой до конца жизни.

Полина в детстве часто уходила из дома к бабушке Поле. Тогда уже Алексей Тимофеевич построил свой большой дом. И семья Аксины Васильевны перешла в него от бабушки Пелагеи. Но Полина старый дом очень любила и часто туда рвалась ночевать, когда ее мать брала заботу за очередным ребенком на себя. Дети в доме прибавлялись быстро, и Полина их нянчила. Следующей родилась Таечка — но рано умерла. В старом доме бабушка «старенькая» сама не съест, а кусочек спрячет в карман для Поли. А когда Поля придет к ней — она этот гостинец сунет Полине в руку.

Семья Аксины Васильевны увеличивалась с каждым годом, и в доме бабушки Поли уже не умещалась. Их четверо, да у Аксины шесть человек. И бабушка Поля решила отделить Аксиныю. Это вынудило Алексея Тимофеевича искать выход. Он купил старую лавку и строительного лесу. И сам, с глупым парнем-помощником, построил большой дом, на одной улице с бабушкиным домиком. Дом-красавец, на пять комнат: две спальни, зал, кухня, столовая, большой коридор с чуланом. На три пролета все застеклил, выкрасил. Весь обшил снаружи. И Аксиныя с семьей перешли жить в новый дом. Он стоял в Петропавловке высоко, так что маленькая Поля ходила под ним пешком. Высоко потому, что боялись весенних разливов Волги.

Поля уже училась в 3 классе. Ее отец Алексей Тимофеевич Чернов занимался заготовкой скота, все время куда-то уезжал, скупал скот, работал в конторе «Заготскот». Алексей Тимофеевич был горячий и своенравный. Хотелось ему быть лучше всех. О воспитании детей он не песя. Все это было в обязанности его жены Аксины — родить и воспитывать. Поля в доме из детей была старшей, потому что Лиза училась в Астрахани на счетовода. А Поля была обязана помогать Аксиные во всем, первая помощница матери. Она была исполнительна, не по силам трудолюбива, безотказная угодница. Носила воду для всей семьи на коромысле, хотя тогда у нее ведра на коромысле доставали до земли. Правда, когда отец бывал дома — а это было редко, — он брал два ведра в одну руку и два — в другую, и быстро натаскивал воды в дом впрок. Воду брали прямо из Волги, так как жили на ее берегу, но сравнительно на порядочном расстоянии от воды, в центре большой улицы в Петропавловке.

Купаться со всей ватагой ребятишек Поля не могла, так как все время у нее на руках был ребенок, младенец, сестра или братик. Ночью она тоже кого-нибудь укачивала, а иногда и сама залезала в зыбку к ребенку. Спала в одной комнате вместе с матерью и отцом, они — на кровати, а она — на большом сундуке.

Село Петропавловку по весне часто заливала полая вода. Даже в высоком новом доме вода доходила до планки порога, а у некоторых сельчан — вода в половодье была даже в печках. И мужики говорили: «Полоя вода — это подлая вода».

Раз Поля с Андрюшей — братом Аксины — и отцом из-за половодья поселились на подволоке (чердаке). И маленькая Поля у них была поварихой, готовила в жарнике кашу. Бабушка прислала с гор (с холмов), куда скотину переправляли в полую воду, масло — целый большой чугун. Мужчины просили Полю больше класть масла в кашу, и все масло быстро съели, за что им влетело от бабушки Поли. Она очень ругала сына Андрюшу: «Расстрели тебя горой!» И сказала: «Полоя вода — это беда».

Как-то все собрались на подволоке и увидели смешную картину. Вода подняла у кого-то лабаз, выдернув четыре стойки. И он поплыл по улице. А на верху лабаза оказались четыре курицы и петух. И несло их по течению мимо Черновых, а петух распевал: «Куре-ку-ку!». Поля с родными на чердаке смеялись, хотя что смешного —

ведь беда. И достать уплывающих птиц нельзя. Хоть изредка люди ездили тогда по улицам села на лодках.

Но и в такую беду бывало весело, на подволоке играл граммофон.

Полина помнила домашний старый граммофон. Даже потом ее маленький сын Боря надевал на голову трубу-тюльпан от этого граммофона. А когда заводили толстую тяжелую пластинку, заглядывал под столик граммофона и спрашивал: «Где же прячется Шаляпин?»

Алексей Тимофеевич дружил с хозяином городского кинотеатра «Модерн», от него привез из Астрахани много толстых тяжелых пластинок с ариями из опер в исполнении Собинова, Лемешева, Виноградова и Шаляпина.

Как вечером заиграет у Черновых под крышей граммофон — сельчане на лодках подплывают к окнам, вся улица занята лодками. «У меня осталась в памяти эта прекрасная картина, — светло вспоминала Полина. — До сих пор помню разлив и залитые водой деревья — коблы, так у нас назывались ивы. Не пропадали эти деревья от половодья». А люди и скотина тонули.

Алексей Тимофеевич был очень строгий. Полина детским сердцем чувствовала его неприязнь к ней, сама не понимая почему. Так до старости и осталась слишком ранимой, а порой обижалась по-пустому.

Семья Аксиньи «не выходила из пяти человек», по выражению Полины. Дети рождались — погодки, то есть почти каждый год, или через год. Всего у Аксиньи было одиннадцать детей: Елизавета, Полина, Таисия (умерла четырех—пяти лет), Калерия (умерла 22-х лет), Василий (умер трех лет), Настя, Лариса, Лада, Коленька (умер младенцем)... Даже Полина не всех помнила. В общем, была Аксинья «матерью-героиней». Правда, такого звания тогда не было. И всех должен был обеспечить едой и теплом их отец. И обеспечивал. У семьи в это время было десять коров. «Барыня» сама их доила, а нанятый работник ухаживал за скотом. Была у отца и пара лошадей-рысаков, и много другой живности. Он любил быструю езду. Один раз от такой гонки под ним пал рысак, так как у него оказалось два сердца. Его съели татары (корсаки), жившие на острове на Волге, напротив Петропавловки.

С Филимоновыми Черновы продолжали общаться. Богатые приходили даже в гости к Черновым в новый дом. А дети ходили на праздники к Филимоновым. Как-то Поля с меньшей сестрой Калерией пришли на Рождество колядовать к Николаю Филимонову. Он тогда был уже офицером. Хозяин насыпал перед собой целую кучу мелких денег. Девчата славили перед иконами, и он дал им из этой кучи три копейки «с конем» на двоих. Калерия тихонько спросила: «Как мы с тобой будем делить?»

В новом доме семья жила недолго. И богатство быстро уплыло.

Как-то весной 1929 года отец ездил в верховья Волги, к родной сестре в село Золотуха, торговать рыбой. Продав рыбу — наловил воблу... И вдруг узнал, что уже началась коллективизация. «Были перегибы, — как после писали, — уклончиво рассказывала Полина, правду говорить было в то время опасно. Алексей с Аксиньей решили скот и дом срочно продать, и всей родней их двух семей переехать в Астрахань. Так и сделали. В городе купили на всех двухэтажный дом на улице Спартаковской.

Наверное, решили, что в городе легче затеряться «кулакам», по сравнению с селом.

А маленькая Поля пока осталась с бабушкой Полиной в Петропавловке, вдвоем. «Это было блаженство! — вспоминала она. — Хоть один год почувствовала, что я маленький ребенок, и меня кто-то замечает. Спала на печке. Тепло, и запах приятный».

Утром бабушка Поля вставала рано. Все приготовит — и кричит: «Полина, вставай, а то опоздаешь в школу».

Накормит внуку блинами. И она бежит в школу. Поля вынуждена была повторно ходить в четвертый класс сельской школы, так как при быстром переезде родители не успели устроить ее в пятый класс в Астрахани. Училась Поля хорошо, даже очень хорошо. И, окончив четыре класса в селе Петропавловка, получила аттестат, который был заполнен золотыми буквами. Все пятерки по всем предметам.

В доме наСпартаковской улице жили две семьи вместе. Семья Черновых с детьми, и бабушка Поля с дочерьми Шурой и Олей с их мужьями, и сыном Андрюшей. Правда, характеры у Шуры и Оли были с Аксиньей противоположные. Шура как что — так в драку. А Аксинья была добрая, рассудительная, трудолюбивая, умная. Хорошо стряпала, всегда была приветлива, и всех угощала.

Долго две семьи в этом доме не ужились. Потому что Андрюша женился — и все рассорились. Видя это, Алексей Тимофеевич в 1932 году купил для своей семьи отдельно одноэтажный дом на Пушкинской улице, за Ямгурчевским мостом. Дом на две половины, на шесть комнат. Большой двор и сарай. И семья переехала на Пушкинскую улицу. А бабушка Поля с дочерьми и семьей сына Андрюши остались жить в доме на Спартаковской улице. Алексей Чернов отдал этот дом Андрюше, брату Аксиньи, и бабушке Поле, своей свекрови..

Слава Богу, что отцу удалось купить этот собственный дом. Тогда еще у отца была хорошая работа. Алексей Тимофеевич был плотником, строил астраханскую купальню на Волге.

В юности Боря написал даже стихи об этой купальне деда.

*Убаюкан вечер зноем.
Волга черный бархат стелет.
То сазан плеснет волною,
То акацией повеет.
Промурлычат самоходки.
Смех прорвется из купальни.
Шевелятся тихо лодки
Судаками на кукане.*

Поле нравился новый дом на Пушкинской улице, поэтому эту улицу она очень любила и помнила всю жизнь. Потому что первые детские впечатления — самые дорогие и памятные в жизни человека.

Поля училась в школе рядом с домом, на Мелком Кутуме. Училась тоже на все пятерки. Только с русским языком у нее были нелады. Во-первых, она говорила на «о». И девчонки в Астрахани ее учили не окать, и вместо «о» говорить «а». Во-вторых, учительница по русскому языку была картавая. «Дети, идите в квас!» — передразнивала она бывшую учительницу.

В Астрахани Поля начала нянчить сестру Ладу, ей был один год. Носила ее на руках, а она все время кричала. А потом стала вовсе злой озорницей.

Однажды пошла Поля со своей матерью Аксиньей в кинотеатр «Художественный». Там показывали картину «Отверженные» по роману Гюго. Где-то в середине картины Полина поняла, что жизнь Казетты очень похожа на ее собственную, и ей стало до слез жалко и Казетту, и себя. Она сначала потихоньку заплакала, а в конце картины стала уже рыдать вслух.

«Оказывается, я уже подросла, и осознала все свое детство,— вспоминала Полина.— И нервишки не выдержали. Даже маме было неудобно из-за моих слез».

Аксинья вначале уговаривала дочь, сама давась от слез, но Полина закатывалась от плача. Тогда Аксинья стала ругать ее, что она ее срамит. И пригрозила, что их сейчас выведут из кинозала. Полина сразу перестала плакать. По дороге домой Поля пыталась рассказать матери, что на нее нашло, но все выразить не могла, потому что была еще маленькой. Только сказала: «Я похожа на Казетту!..»

Чем же Поля похожа на Казетту? На такой утробной почве зародился и род Полины.

Когда отец приезжал домой, он Полину не замечал, доброго слова от него она никогда не слышала. Не ласкал ее. Хорошо еще, что не бил.

Она считала себя в семье чужой. Почему так считала, не знала. Слышала разные сплетни, но им старалась не верить. Только когда, став постарше, выучила наизусть почти всю поэму Пушкина «Евгений Онегин», в рассказах о детстве цитировала такие его строчки о Татьяне Лариной: «Она в семье своей родной/ Казалась девочкой чужой».

Даже еще в Петропавловке дядька говорил: «Ты не ихняя. Они все рыжие, а ты черная».

Может, это была шутка? И правда, Полина была темноволосая, а все ее сестры — рыжие. Вот маленькая Полина и принимала эту шутку всерьез и обижалась на сельчан.

Осталось в ее детской памяти и то, что отец из своих поездок привозил подарки всем джоинами, посуду — ящичками. Всем, только не Поле.

И все же Полина не хотела верить в какие-то тайны своего рождения. Не могла она обидеть Аксинью. Ее матери было некогда от забот по большой семье. И Полина все свое детство была занята ее детьми, нянчила, качала их по ночам, носила днем на руках. Вот Поле и показалось, что она живет в родном доме как Золушка.

А однажды она слышала, качая зыбку, как мать ее Аксинья ночью шептала отцу: «Давай Полине купим пальтишко». И он, вроде, не возражал. А Полине почему-то стало обидно, почему мать просила, да еще шепотом? Боялась, что муж не разрешит?

Отца Полина сторонилась. Когда, например, отец привозил домой черную икру, она за столом не могла ее есть, как другие дети. Или из-за болезни, или из-за боязни, что ей не положено, как будто икра чужая.

Полина считала, что отец никогда ее не любил. Даже за столом, бывало, когда она сидит вместе со всеми, так отец обязательно ее шпигует, и по голове долбит за все проделки сестер. Дети напраказничают — он ее толкает: «Не делай, Поля, так, как они!» А их не наказывал за проступки. Поля от страха сжималась, и кусок у нее застревал в горле. Она не оправдывалась, не огрызалась. Только заплачет и забьется в уголок.

Аксинье, конечно, было не до любви к Полине, когда всю жизнь приходилось ей растить и кормить весь выводок.

Полина считала, что мать любила ее по-своему. Аксинья жалела Полю на свой лад, и говорила друзьям: «Да ее и бить нельзя. Она сожметса в комок и молча плачет. А всех остальных попробуй, ударь...»

Поля вообще старалась не показываться отцу на глаза. Вот почему и всколыхнул ее душу фильм «Отверженные».

Можно было согласиться, что Алексей Тимофеевич действительно не любил свою дочь Полину. Но это не так. Он обращался с ней, как с другом, как с взрослой, потому что очень ценил ее за все, что она делала в семье. Это потом поняла Полина

Поэтому, уезжая в час беды, отец сказал именно Полине: «Помогай матери. На тебя вся надежда. Я приеду, тебе шелковое платье куплю».

«Всю жизнь я шелковые платья носила после, но не его, а свои. Так как рано стала сама зарабатывать»,— обиженно отвечала не раз Полина на скупые слова любви своего отца.

Глава вторая БЕЗ ПРАВА ПЕРЕПИСКИ

Понимала ли Полина, в каких условиях жила? Политических репрессий в стране она боялась с детства. И старалась о них не говорить. Держала язык за зубами. Часто повторяла пословицу: «Ешь пирог с грибами, и держи язык за зубами».

Ведь эта беда всегда была рядом. Она знала правду о квартирантах бабушки Поли ленинградцах Кьянских, муже с женой. Знала, что об этом нельзя было говорить. Потому что они приехали в ссылный город Астрахань из Ленинграда после убийства Кирова. Когда, по словам Аксины, «всех виновных и не виноватых высылали из Ленинграда». Она пожалела и приютила их еще и потому, что отец Кьянского был священником.

О таких вещах Поля рассказывала сыну Боре осторожно, когда он уже учился в институте. И мог «держат язык за зубами». Сын вообще раньше и не подозревал, в какой опасности жила его мать Полина. А она не подавала даже виду. Вот она — защитная реакция материнского организма. Люди же стараются не говорить и думать о смерти, пока она не придет. Тоже защита.

А Кьянские потом вернулись в Ленинград, оставаясь друзьями астраханской семьи. Потом и они выручили Полину в трудную минуту.

Только семья Полины стала жить лучше, как в 1933—1934 годах начался голод в Поволжье. В Астрахани тоже был голодомор. На шесть ртов заработка у плотника Алексея не хватало, и начались муки. А в 1933 году еще вспыхнула Финская война. Все со страхом говорили о «Линии Маннергейма», где финны с немцами вместе укрепились намертво.

Полина окончила семь классов хорошо. Ей исполнилось 14 лет. Куда идти дальше? Пыталась в медицинский рабфак попасть, но ее не приняли. Малолетка, а в медицинский рабфак принимали в 18 лет.

Тогда Полина поступила в Педагогический рабфак на вечернее отделение, потому что на дневное отделение опоздала подать документы. Стала учиться «пигалица» со взрослыми. А днем работала в детском саду, или где придется. На работу маленькую тоже не брали.

Она училась на отлично, и поэтому ее перевели с вечернего отделения на дневное.

А уже с 1933 года Полина и ее семья стали почти нищие. Беда свалилась на их головы.

«Отец был доверчивый, всем помогал, все раздавал,— объясняла позже взрослому сыну Полина.— Ты, наверно, не знаешь, за что попали под пятьдесят восьмую статью мой отец и мой дядя Андрюша?» И рассказала правду.

Ее отец Алексей Тимофеевич тогда работал экспедитором. Рисковым он был человеком. И дорисковал. В 1934 году его забирает НКВД. Кошмар! Попал под 58-ю статью, под расстрел. И осталась без отца и без средств семья — шесть детей. И жена Аксины нигде не работала.

Полуграмотная Аксины на суд не ходила. Пошла — одна грамотная дочь — Полина. Все остальные Черновы — мал мала меньше. Полина все это с ужасом пережила, как засудили отца. Пришла, рассказала Аксины. Как выяснилось, было групповое хищение зерна, а отвечать за воровство набрали «мелких сошек».

Даже не верится. Как же все случилось?

На Пушкинской улице, за сетчатым забором жил рядом с Черновыми сосед Коростылев. Он много лет работал в конторе «Заготзерно». Они воровали, тащили — возами. Жена у него была барыга «высшей гильдии».

Полина даже помнила, как однажды, когда она была во дворе, Коростылев крикнул отцу:

— Дядя Леня, подойди к забору.

Отец подошел.

— Чего?

Тот начал уговаривать отца:

— Дядя Леня, помоги мне в село продать муку.

— Ну...

— У вас есть знакомые в селе Оля, чтобы принять обоз с зерном?

Отец кивнул:

— Есть.

— Поговори...

Отец не сразу, но согласился помочь. Они же — барыги. Но семью надо кормить.

Да еще попросил дядю Андрея, чтобы он проследил, посчитал, сколько подвод в обозе. Парень тоже в нужде, он тогда работал в хлебной лавке, очень был добросовестный, ночами клеил талоны для сдачи. Дядя Андрей запер свою лавку, и стоял у ворот конторы — считал выезжающие подводы.

В этом хищении замешаны были даже работники НКВД.

И вот вывезли из Астрахани обоз с зерном. А кто-то «стукнул» в Москву. Хлеб по карточкам выдавали, а тут увезли целый обоз.

А после подтвердилось, что зерно, действительно, ворованное, документы на него — фиктивные. Вот и забрали всех. Истинных виновников отделили и увезли в другую тюрьму на этой же Пушкинской улице, а потом организовали им побег из тюрьмы. А в центральную тюрьму собрали мелких исполнителей, «стрелочников». Из них десять человек приговорили к расстрелу, а других к 10 годам тюрьмы. Многие тогда погибли, даже не зная толком, за что.

Алексея Чернова тоже приговорили к расстрелу по 58 статье. Аксинья от горя — сама не своя. Пошла к знакомым искать помощи. Ее привели к юристу Молодцову. Он написал прошение Крупской о помиловании. Много пришлось занимать денег, чтобы написать это прошение, в котором Аксинья просила о помиловании Чернова Алексея Тимофеевича, потому что в семье остались голодные дети, «сама я седьмая».

А как случилась с Черновым беда — все его дружки отошли сразу в сторону.

Беда — заразная болезнь. Особенно в годы репрессий. Вот и сторонятся люди от таких «врагов народа», как от прокаженных. А что осуждать, когда в Библии, в первом псалме Давида, говорится: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании развратителей...»? А уж как преломили эти библейские заповеди блюстители советского порядка, не снилось и древнему царю Давиду. Поэтому обезлюдил дом Алексея Тимофеевича Чернова в час беды.

Однажды, когда Полина бежала по улице после занятий в рабфаке, который был при Пединституте на Семнадцатой пристани, на набережной Волги, вдруг услышала голос:

— Поля! Полина!..

Она остановилась, не понимая, кто ее может звать. А это — отец! Он, такого большого роста, забрался на окно под потолком тюрьмы. И машет ей руками за стеклом окна. А до этого был ведь в подвале — в камере-одиночке.

— Скажи маме, меня подняли наверх, — прокричал отец со слезами в голосе.

Слава тебе, Господи! Полина летела домой — обрадовать маму.

Аксинье уже сообщили, что расстреляли весовщика, возчика (а у него 14 детей). Как в насмешку, после расстрела пришло ему помилование. А отцу с Андреем помилование успело придти — расстрел заменили на 10 лет тюрьмы. Все же Молодцов сделал хорошо свое дело, радовалась Полина. Но напрасно.

Итак, в 1934 году Алексея Тимофеевича с Андрюшей сослали в Сибирь.

Только в пожилом возрасте Полина Алексеевна узнала, что еще мог уцелеть репрессированный в 1934 году. Потому что если бы его по 58 статье отправили в Сибирь в 1937 году, то обязательно бы расстреляли.

Аксинья осталась одна с большой семьей. Поле — 14 лет, Лизе — на два года больше, Насте — 5 лет, Калерии — 8 лет, Ларисе — 6 лет, Ладе — 4 года, Коленке — 1 год. Самой — 38 лет. Вот такое семейство — и ни одного работника. Полина — самая старшая из шести детей. Потому что Лиза вскоре уехала из дома и вышла замуж, и привезла мальчика Леню — одного года.

Что такое «десять лет без права переписки»? Это — конец заключенному. А Аксинья нашла сил надеяться, что муж вернется. Рассказывая о смене приговора, Полина и не знала об этой фикции помилования. И причем здесь иезуитское милосердие Крупской? В 1934 году как раз набирали каторжников в только что сформировавшийся Дальстрой. Алексей Чернов попал в этот страшный ГУЛАГ. Чего уж потом он смог найти для своего спасения, сам Бог знает. Хорошо умел коптить рыбу для тюремного начальства? В семью с Колымы он так и не вернулся. Но выжил. А дядя Андрей — пропал. Был слух, что Андрей вздумал бежать за границу на каком-то судне. Больше ничего о нем не известно. Полина о политической статье никогда не говорила, боялась властей. Может быть, она вначале даже и не понимала, что отец был в ГУЛАГе. Но потом ей не раз строго напоминали об этом.

Да все в семье знали, только скрывали. Ведь Черновы писали в НКВД письма с просьбой сообщить, жив ли отец. Пробовали посылать ему посылки. А когда прошло десять лет тюремного срока в 1944 году, на очередной запрос семье сообщили, что Чернов Алексей Тимофеевич умер.

Но пронырливая сестра Полины Настя после окончания мединститута распределилась на работу в Магаданскую область. Поехала туда работать врачом. И нашла отца в колымском поселке Ола. Почти такое же название сибирского поселка, как село Оля под Астраханью, куда Чернов «помог» направить украденный обоз зерна. Пять километров нес на руках репрессированный отец свою бесстрашную дочь, чуть не замерзшую, пешком до поселка, где она работала врачом. Потому что транспорт туда не ходит. Но это было потом.

А в начале его колымского срока, Аксинья, узнав о помиловании, сказала только: «Десять лет можно прожить. А вот если он там заработает большой срок... Ведь горячий характер!.. И забудет нас — тяжело нам с детьми придется».

Так и пришлось. Семья осталась без отца-кормильца навсегда. И самое ужасное — теперь она считалась «семьей врага народа». Потому что отца выслали в Сибирь по 58-й статье — политической.

И судью, который приговаривал к расстрелу и невиновных, после признали тоже «врагом народа».

Отца рядом больше не было. Вся тяжесть жизни пала на плечи Аксиньи. Хорошо, что она не растерялась. Пускала квартирантов в половину дома. Это большая поддержка. Продавала молоко от своей коровы, пока Поля училась. Жизнь семьи в горе стала еще тяжелей не только материально, но и морально.

В рабфаке Поля подружилась с комсомолкой, которая иногда приходила к ней домой, и видела, сколько в семье детей и какая бедность. И вот, когда Алексея Чернова осудили и отправили в Сибирь, Полину, как дочь «врага народа», хотели исключить из комсомола и отчислить из рабфака. Эта подруга хорошо ее защитила, рассказав на собрании, в какой нищете она живет, и как помогает в учебе своим сокурсникам.

В детстве сын Боря спрашивал у Полины, где его дедушка. Захотел написать деду письмо в Сибирь, где он так долго был в командировке. А Полина предложила послать с письмом Борину тетрадку по русскому языку, с пятерками за выполнение домашних заданий. Некоторые упражнения пришлось переписывать, так как были ошибки, и за них учительница ставила четверку. Совестьливый Боря переживал, когда мать поддельвала подпись учительницы под пятеркой в переписанной тетрадке. Ему было стыдно перед дедушкой за подлог.

А потом, уже в юности, горько плакал, когда при переезде на другую квартиру вдруг нашел эту «посланную» дедушке тетрадку. Никуда ее не отсылали, а спрятали от глаз подальше. Жалко было ему и себя, и мать, и деда.

Только после перемен в стране Боря стал понимать, как матери и всем Черновым было страшно жить, и страшно врать, что другой страны не знали, «где так вольно дышит человек!»

По-другому представилась прожитая жизнь и самой Полине. Но это было потом.

Елизавета опять уехала на Кавказ и вышла замуж за болгарина Дмитрия Тодорова, который участвовал в революционных событиях в России, и, наверное, в Болгарии. Но он пропал без вести. Елизавета его так и не нашла. Видимо, был репрессирован. А, может, тоже, как Елизавета — «гастролер». Что их в Болгарии мало было? Кроме того, и в Болгарии тогда многих репрессировали, по своим причинам.

Тогда Елизавета вернулась в Астрахань, и привезла сына Леню, 1935 года рождения, который потом жил все время в семье Черновых, до 22 лет, пока не женился. Гастролер Елизавета часто уезжала из дома то на учебу, то на работу. А когда отца сослали в Сибирь, и жизнь повернулась круто, она стала открыто воровать и продавать из дома все, что подвернется. У таких людей совесть не существует, им просто нужно, поэтому они крадут.

Аксинье по всякому приходилось крутиться в жизни, чтобы накормить семь голодных ртов. Но она нашла в себе силы — жить и давать жизнь детям.

Это раньше у семьи были калмыцкие коровы, они давали от двух до пяти литров молока. А теперь была только одна корова, голодная, много молока не давала. Кормить ее было нечем. Полина с Аксиньей ходили за кормом на Вторую Астрахань пешком, так как с сеном на трамвае не поедешь. А когда удавалось купить мешки с дробинкой, то сами стаскивали их с подводы и таскали в сарай на своем горбу.

— Молодость! — хвалилась Полина перед сыном Борей.— Это я делала, когда приходила домой с учебы в рабфаке. Продавала с матерью молоко на базаре, на Больших Исадах. Но боялась, что меня увидят там сокурсницы. А мне было уже шестнадцать лет,— вытирала Полина слезы.— Стыдно!

В оправдание слез, Полина ссылалась на диагноз врача-глазника, что у нее испорчен слезливый нерв. А сама давно поняла, что очень часто плакала от несчастливой жизни.

Полина иногда торговала и яблоками: покупала их корзинами, а продавала по кучкам, в которых по несколько яблок. Торговала вместе с сестрой Калерией ирисками. На полученные от торговли гроши семья жила до окончания учебы Полины.

Однажды один из навещавших семью товарищей осужденного отца — Гора предложил Аксинье продать ее тощую корову.

— Я поеду в Холмогоры за коровой, куплю и вам черную с белыми пятнами корову, она молочная, — обещал он.

Так и сделал — помог корову поменять. Аксинья старую корову продала, а Гора привез новую корову, с большим выменем. Она за раз давала целое ведро молока. Вскоре корова отелилась и принесла телочку.

«Мы все хвалимся, а люди злые, — думала Полина. — Верь или не верь, но наше молоко отняла одна завистливая молочница».

Она жила на другой улице — Туркестанской, рядом. Как-то младшая сестра Полины — Лада похвалилась, по-детски, этой женщине, что корова у Аксиньи дает большое ведро молока. Соседка не поверила, и пришла убедиться. Аксинья при ней подоила корову. Набралось полное ведро, да еще осталось пососать теленку. Позавидовав, соседка рукой обвела вымя коровы, погладила. А Полина стояла около двери сарая и видела этот жест. Что-то он ей не понравился.

А ночью корова тревожно замычала: «Му... му!». Полина разбудила маму и с керосиновым фонарем они пошли в сарай. Только открыли дверь — корова как выскочит, и вприпрыжку, как лягушка, побежала по большому двору. Аксинья ее хотела успокоить, а безумная корова подняла ее на рога. Полина как закричит от страха. Корову Аксинью сбросила на землю, и опять стала бегать. Спрятавшись за дверь от ревущей коровы, они еле дождались рассвета. И чуть свет Аксинья побежала до знакомого ветеринарного врача. Он быстро пришел. И увидев буйство коровы, посоветовал: «Ищите мужчин. Ее нужно немедленно везти на бойню, а то будет поздно. Ей молоко бросилось в голову — и она сходит с ума. Пока жива, ее мясо можно есть. Получите деньги, а то потеряете корову за так».

Черновы поплакали и простились с коровой. Попеняли — вот какой стервой оказалась молочница! Оставила семью без коровы навсегда, отняла у детей молоко.

Осиротела телочка. Полина ее кормила вначале молоком из рожка, пока она не стала есть все. Но сена не на что было купить, и Аксинья вынуждена была отдать ее пастуху. Он договорился с ней, что будет пасти телочку со стадом коров.

Полина повела телочку в село Три Протока под Астраханью. Телочка успела привыкнуть к Полине, поэтому хорошо шла за ней на веревочке. А за городом было в это время так красиво, кругом зеленая трава. Пастух пустил телочку пощипать траву, а Полина села на берегу у реки отдохнуть с дороги и любовалась природой. Но нужда засиживаться не давала, нужно было возвращаться домой. Полина встала и потихоньку пошла. Но телочка, как будто следила за ней, бросила щипать траву, и пустилась бежать за Полиной и кричать «Ма-а!..» Догнала хозяйку и ткнулась мордой в ее руку. Пришлось телочку завязать и привести опять к пастуху. Телочка продолжила щипать траву. Полина еще немного посидела. Но уже спускался вечер, нужно за светлом придти домой. Путь не близкий — три километра. Только уходить — телочка за ней бежит, и кричит еще сильнее: « Ма...у!..» Тогда пастух привязал ее к забору. А Полина побежала скорее домой, и долго слышала по пути, как телочка жалобно кричала.

Вскоре пастух сказал, что телочка, вроде, привыкла ходить в стаде, но до зимы не дожила. «Упала и вся раздулась, — наверное, что-то ядовитое съела, — объяснял он Аксинье. — Хотите, я вас отведу туда, где она упала?»

Но Полина не пошла. Плакала с Аксиньей, так было жалко телочку. Может, без матери-коровы телочка не знала, как себя вести в стаде и что есть. В общем, остались Черновы и без коровы, и без телочки.

В те годы семья Аксиньи жила невыносимо плохо.

Надо сказать, если люди тогда даже не видели, до чего живут-то плохо, то можно представить степень такой жизни, которую они признавали невыносимой. Нищее ее семейство.

Есть семейная легенда, которая наглядно показывала, как жила семья Чернышевых. У Аксиньи всегда были кошки. И вот одна из них — долгожительница — садилась на подоконник раскрытого настежь окна мордой на улицу и долго-долго держала навтыяжку лапу, как нищенка, просящая подаяния.

Два года они и жили на подаяние. Только не ходили с протянутой рукой. Добрые знакомые люди иногда помогали, но порой и у них нечего было подать. Помогали соседи Кудрявцевы, делом, советом, иногда деньгами займы. Помогали родственники. Помогала и бабушка старенькая Поля, которая потом в старости сошла с ума. Начался родовой мор. У Аксиньи умер малютка Коленька. Напал менингит на сестру Лорочку. Ей было восемь лет, когда она умерла. У тети Оли умер мальчик Юрочка, а у Шураньки умер сын Мишенька. Затем все заболели корью.

Помогали Черновым и бедные сестры Аксиньи — Шура и Оля. Они жили на Спартаковской улице в подаренном Черновым Алексеем Тимофеевичем доме, с мужьями. Но когда Алексея Тимофеевича и двоюродного дядю Андрея забрали в тюрьму, этот дом конфисковали, все имущество описали. Жена Андрея уехала в Саратов, к своей родне. Тетя Оля и тетя Шура стали квартирантами в собственном доме, платили государству за квартиру. И жили не богаче семьи Аксиньи.

Муж тети Оли — Лева Силов много пострадал в период коллективизации, из-за «перегибов», отсидел свой срок в тюрьме. Его выпустили, а потом опять хотели арестовать. Может быть, по доносу новых квартирантов в их доме. Больной Лева скрывался от властей.

Из-за него тогда Полина и попала на допрос в НКВД.

Вот как это было. Однажды она пришла домой из рабфака, а следователь из НКВД подждал ее во дворе. Привел в отделение НКВД на Красной набережной. Тормошил целую ночь. Пистолетом размахивал.

— Знаешь Леонида Силова?

— Знаю. Это муж моей родной тети Ольги.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Я его давно не видела.

— А где тетка твоя сейчас?

— Наверное, у нас дома. Вы не дали мне после занятий зайти домой, поэтому точно не знаю.

— Боишься пистолета? — размахивал следователь наганом перед носом упрямой Полины, и она невольно отводила голову в сторону.— А врать советской власти не боишься? Покрываешь недобитого кулака? Все равно мы его найдем.

— Может, он в больнице? — сказала Полина.— У него же туберкулез легких.

Так и не сказала энкеведешнику, где прятался дядя Лева. А вышла из НКВД — сама не своя, руки-ноги трясутся.

В годы войны квартиру у Оли с Шурой обокрали, а потом «почистили» и квартиранты, которые жили наверху, на втором этаже дома. И тетки бросили квартиру и уехали из Астрахани, Шура — на Сахалин, на заработки, а Оля с Левой — на трудовой фронт, в обоз. Нервотрепка сказала на дяде Леве. Да еще потом на фронте он сильно простывал. Так что все легкие испепелил.

В то время, когда сослали в Сибирь мужа, у Аксины не было ни копейки денег в кармане, ни образования. Одна половая тряпка в руках.

И пошла Аксиныа работать уборщицей, мыть Народный дом. Платили уборщицам 30 рублей в месяц. А так как в семье привыкли делать все хорошо, то Аксиныа быстро вышла из строя, стало плохо с сердцем. Девочка еле-еле привела ее, больную, домой. Аксиныа только два месяца проработала.

Полина уговаривала ее бросить работу. Дома все голодные. Некому даже кулеш сварить. Кулешом Полина называла суп из стакана молока с тыквой, которую она с сестрой Надей набрала поздней осенью с чужих брошенных огородов.

«Все едоки — работников нет», — вздыхала больная Аксиныа.

Больше она не работала уборщицей, а крутилась дома, комбинируя, экономила — нужда научила. Пользовалась Аксиныа ломбардом, сдавала туда мужнину лисью шубу на подкладке и другую хорошую его одежду, а затем перезакладывала. Хотя эти вещи удалось спасти у соседей от конфискации.

Продолжала Аксиныа пускать на квартиру жильцов, в три комнаты. А сами Чернышевы спали в проходной комнате на одной кровати валетом вчетвером. Долго во второй половине дома жила семья Беляковых. Это помогало жить. Хотя больших денег не приносило.

Иногда Аксиныа стирала белье для знакомых господ. Была у нее давняя знакомая немка, гадалка, которая ходила на базар с огромным зембилем, приносила уйму продуктов, и все толстела с каждым годом. Аксиныа стирала для нее белье за гроши. Однажды эта толстая немка попросила помыть полы в ее доме. Пока Аксиныа мыла пол в четырех комнатах, хозяйка сидела за столом, и ела душистую жирную селедку, «залом». У голодной Аксины от ароматного запаха даже слюнки потекли. Немка расплатилась с Аксиныей и предложила ей выпить с остатку рюмку водки, но закусить селедки не дала. Так это обидело Аксиныю, что она шла и давилась слезами обиды на проклятую голодную жизнь. От водки и переживаний она охмелела. Пришла домой и рыдала, и билась в истерике, кричала, проклиная немку матом: «Полный зембиль еды, а она кусочек селедки пожалела дать! Залом для прачки, вишь ли, дорогой!» И мат-перемат! Полина тоже расплакалась, — первый раз слышала, чтобы Аксиныа ругалась матом. Еле ее успокоила, уложив на кровать, уговаривая: «Тише, Боря слышит и боится...».

В общем, семья Аксины кое-как выживала. Если бы отца не сослали, Полине с Аксиныей не пришлось бы так перебиваться в нищете и унижении.

(Продолжение следует)

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ГОРЬКОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ
(глава из повести «Звезда над копром»)

Заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член Союза писателей России.

Январь 1953 года выдался суровым. Сразу после рождественских дней наступили крещенские морозы и зима залетовала с новой силой. Деревенские избы с заиндевелыми крышами и причудливыми морозными узорами на окнах дышали печными трубами и словно парили в сладковато-горьком печном дыму. Днем на морозе звенел над окрестными полями воздух, а ночью в садах трещали деревья.

У Петровых в избе было тепло. Матвей Кузьмич печь растопил еще затемно, пока все спали, и теперь только поддерживал в ней огонь, периодически вороша кочергой дышащие жаром угольные камни. Сноха Татьяна собиралась в Тулу в областную тюрьму, чтобы передать мужу передачу. Проснувшиеся внуки Колька и Васька сидели здесь на табуретах и, протирая еще сонные глаза, смотрели, как мать собирает сумку.

— Ты там в сумке-то еще раз погляди повнимательней и проверь, все ли там на месте? А то кабы чего не забыла, — в который раз уже Матвей Кузьмич предупредил Татьяну. Не дождавись, пока сноха исполнит его просьбу, сам раскрыл сумку и начал проверять содержимое в ней, перекладывая с места на место аккуратно уложенные Татьяной продукты и папиросы.

— Отец, опять ты в сумке все вверх дном перевернул, — вздохнула Татьяна. — Я уже несколько раз все перепроверила, все разложила, а ты опять все перевернул, — с сожалением произнесла она. Матвей Кузьмич побряхтел, повздыхал, а затем подошел к печке, открыл заслонку, взял кочергу, присел на колени и вновь начал ворошить в горниле уголь.

— Обязательно узнай там, почему его не выпускают до сих пор? Десять лет прошло еще в прошлом году, а его все нету?! Уже лишний год пересидел! — вставая с колена и закрывая печную заслонку, сказал он. — До тюремного начальства сходи, у них узнай, в чем дело. Попроси их, пускай скажут Миرونу, что у нас дома все хорошо, а то тоже, небось, сидит там и переживает за нас. Пускай скажут ему, что мы его ждем домой, уже соскучились по нему. Авось не трудно будет сказать-то, язык-то, небось, не отвалится от того, что скажут, — начал приказывать Матвей Кузьмич снохе.

— Схожу, — кивнула Татьяна головой.

— Мам, ты гостинчика нам привези из Тулы, — попросил ее Колька.

— Какого-нибудь пряничка, — уточнил Васька.

Татьяна улыбнулась, поцеловала сыновей в макушку, погладила им головы.

— Хорошо, сделаю все, о чем вы меня все просите, а вы тут деда слушаетесь и

кушайте здесь без меня, а то никакого гостинчика не получите,— предупредила она сыновей.

— Ну, ступай с Богом! — Матвей Кузьмич наложил на Татьяну крестное знамение, и она вышла из дома.

На улице, несмотря на яркое солнце, холодный воздух ударил ей в лицо, а ресницы и брови вмиг покрылись инеем.

Автобус на Тулу был переполнен, и Татьяна с трудом втиснулась в салон. Стоять было неудобно и тесно, к тому же мешала хозяйственная сумка, которую она держала в руках. Был воскресный день, и в Кочаках на остановке сошло много народа в церковь, в основном — старушки, а после Ясной Поляны Татьяне даже удалось сесть на освободившееся сиденье. В Тулу приехала спустя час, и направилась к зданию тюрьмы. К двери, за которой принимали передачи, вела огромная очередь, чтобы передать своим родным продукты или вещи, люди простаивали часами. Татьяна стала в конце очереди за худенькой, маленькой и согбенной женщиной, одетой в коричневое старое поношенное пальто и валенки. На голове ее был повязан темно-синий платок. Рядом на снегу стояла сумка.

— Вы последняя? — спросила она у женщины.

Та обернулась к Татьяне. Лицо ее было худое и, несмотря на мороз, бледное. Из-под платка на Татьяну взглянули выцветшие старушечьи глаза с каким-то грустным и затравленным взглядом.

— Я,— ответила женщина и потупила взгляд.

В очереди в основном стояли женщины, изредка среди платков и шалей, то тут, то там, мелькали мужские шапки. Несмотря на женское преимущество, в очереди было тихо. Никто ни с кем не разговаривал, а если и разговаривали, то вполголоса, несмело и редко. Рядом с ними — высокий каменный забор с тяжелыми железными массивными воротами, старинное трехэтажное кирпичное здание тюрьмы с маленькими решетчатыми окнами в стенах, за которыми томились их родные и близкие люди. Все это психологически давило на стоявших в очереди людей. И это давление угнетало, пугало, сковывало волю и, несмотря на общую беду, отстраняло их друг от друга и не располагало к разговорам.

Спустя четверть часа за спиной Татьяны уже выросла очередь, а через полчаса, она вытянулась почти до центральной улицы города. Стоять было холодно и, чтобы согреться, многие начинали приплясывать или похлопывать себя руками по бокам.

— Как думаете, долго сегодня простоим? — вполголоса спросила Татьяна стоявшую впереди себя женщину, скорее не для ответа на свой вопрос, а чтобы затеять разговор, за которым, как известно, и время быстрее бежит.

— Наверно, долго,— тихо ответила та.

— Меня Татьяной зовут, а вас как? — вновь обратилась к ней Татьяна, увидев, что женщина опять замолчала.

— Зинаидою,— ответила та.

— Издалека ли вы, Зинаида, приехали?

— Из Черепети.

— А я из Шахтерска. Мужа моего еще вначале войны посадили, сначала в Крапивне держали, а потом сказали, что сюда в Тулу перевели, вот и приезжаю сюда уже не один год.

— Много ему еще сидеть-то? — спросила Зинаида.

— Уже год, как должен был вернуться, но почему-то не отпускают его,— Татьяна пожала плечами.— Я сюда приезжала в прошлом году в январе, справлялась о нем, мне сказали: ждите, скоро придет, но пока еще почему-то не пришел. Сейчас передачку буду отдавать, опять за него спрошу.

— Может, сослали куда? Бывает так, что отсидит человек свой срок, а его вместо того, чтобы домой отпустить, ссылают куда-нибудь,— высказала предположение Зинаида.

От услышанного Татьяна забеспокоилась. У нее вдруг заболело под ложечкой, запульсировала в висках кровь, заныло сердце, а в душу вкрались тревожные нотки.

— А что пишет-то? — после недолгого молчания, спросила Зинаида.

— Его посадили без права переписки,— грустно вздохнув, ответила Татьяна.— Обвинили его в предательстве, а какой же он предатель? Кого он предал? Никого. Знамо дело и вправду кого-то предал, а то ведь душа его невиноватая. Сосед на него донес, вот и арестовали его,— Татьяна заплакала.

Она редко проявляла свои чувства на людях, старалась скрыть свои слезы от детей и от свекра, чтобы не расстраивать их. Но сегодня, здесь, при посторонних людях она дала им волю. Все те невыплаканные за долгие годы слезы, которые она накопила и носила в себе, сейчас выплеснула наружу и выбросила их вон из своего сердца.

— Успокойся, милая. Разве ты одна в таком положении оказалась?! Вон сколько нас, баб, тут в очереди стоит, посмотри,— Зинаида указала рукой на очередь.— И у всех мужики в таком-то положении находятся, как и твой муж. Да разве теперь кому-то что-то докажешь?! Вернется мужинек твой, вернется. Ты только верь в это и надейся,— начала успокаивать Татьяну Зинаида.

— Не трогайте ее, пусть поплачет. Видно, что давно не плакала. Слезы-то, вон, видите, у нее потоком льются, а слезы они душу очищают, лечат они душу-то, особенно нашу — женскую,— вступила в разговор стоявшая перед Зинаидой молодая женщина. На вид ей было не более тридцати лет. Одетая она была в темное пальто с искусственным воротником, поверх головы повязана шаль, из-под нее выбивались локоны темных волос. На ногах черные из толстого сукна чулки, обута она была в зимние сапожки. Ее худое лицо было румяно, в голубых ясных глазах застыл смелый, даже какой-то вызывающий взгляд.— Меня Оксаной зовут. Я с родителями жила в Ефремовском районе. Отец мой был председателем колхоза, а мама работала в сельской школе учительницей. Когда началась война, отца на фронт не взяли, председателей колхозов не брали, они должны были обеспечивать хлебом воюющую армию. Как только нашу деревню оккупировали, немцы собрали всех жителей и приказали выбирать себе старосту, и все выбрали отца. А что он мог сделать, отказаться? За отказ его бы расстреляли, вот и пришлось ему быть старостой. Когда пришли наши, отца арестовали и расстреляли, маму, как жену изменника родины, посадили в лагерь, а нас с младшим братом отправили в детский дом.

— А маму-то вашу за что посадили? — удивилась Татьяна. Она уже стала успокаиваться и вытирала платком заплаканные глаза.

— Посадили, как жену изменника родины. Она сидела в лагере в Казахстане...

— В Алжире,— перебила Оксану Зинаида.

— В Алжире? — удивилась Татьяна.

— Алжир — это Акмолинский лагерь жен изменников родины. Моя свекровь там сидела,— ответила ей Зинаида.

— Да, все верно — в Алжире. Тот лагерь так сокращенно называется,— пояснила Оксана, после чего продолжила: — Там же в лагере мама и умерла. Я в детском доме окончила школу и приехала сюда в Тулу, работаю сейчас на заводе. И брат мой после детского дома тоже приехал сюда и поступил учиться в ФЗУ, но связался со шпаной, начал воровать, его и поймали. Теперь здесь сидит, суда ждет. Вот привезла ему поест, может быть примут,— проговорила она и замолчала.— А вашу свекровь за что в лагерь посадили? — спросила она у Зинаиды.

— Ее муж, свекор мой, до войны в райкоме истопником работал, топил печку. На

войну-то его не взяли, он безногим был, еще в гражданскую войну ногу потерял, вместо нее у него деревянный костыль был. Когда к нам пришли немцы, то велел ему и дальше продолжать печку топить, он и топил. А как наши город освободили, так его и забрали. Сказали, что на немца работал, мол, обогревал его. Свекра расстреляли, и свекровь вскоре забрали, сказали ей, что она жена изменника родины. А Коля мой на войне был, а когда пришел с войны стал добиваться, чтобы мать освободили. Пришел в райком, где свекор работал, и стал просить их о помощи. Но ему отказали, и тогда он разозлился и высказал им, что, мол, фашисты парня-партизана у нас в городе повесили, а его родных за него не тронули. А наша родная власть за отца и мать посадила. И сказал им, что наша власть хуже фашистской получается. Вот его за эти слова и посадили. Восемь лет дали. Был в лагере, а теперь вот сюда в тюрьму перевели. Как письмо-то от него получила, так сразу и приехала, передачу вот привезла,— Зинаида указала на стоявшую рядом с ней на снегу сумку.

— Ты хоть от своего письма получаешь, а от моего ни слуху, ни духу,— вздохнула Татьяна.

Долго еще женщины рассказывали друг дружке о своих бедах, о выпавших на их долю испытаниях. Плакали по-бабьи, а облегчив слезами души свои, замолчали, каждая о своем задумалась. «Вот так и меня, как тех женщин, тоже могли бы посадить в тюрьму. Я же тоже являюсь женой изменника родины,— начала мысленно рассуждать Татьяна.— А почему же Мирона моего домой не отпускают? А вдруг он что-то совершил и ему добавили срок или, как Зинаида сказала, его куда-нибудь выслали? А вдруг и меня тоже посадят?! Вот сегодня, например, подойду передачу отдавать, а меня возьмут и арестуют?! И домой не приеду сегодня, и никто не будет знать, что со мной случилось?! Ни свекор, ни дети! Дети!!! А как же дети-то мои без меня жить будут, когда меня посадят?! — Татьяну охватил ужас. Она уже даже мысленно решила уехать домой, как вдруг опомнилась.— Да что это я? Что за чушь я какую-то несу?! Что за околесицу горожу? Мирон мой сидит там мучается, наверно, голодный, ждет меня, а я тут незнаю что горожу! Никто меня не посадит. Не за что. Если было бы за что, уже посадили бы. А те женщины, о которых Зинаида с Оксаной говорили, может быть, что-то сделали не так, что-то сказали не то, вот их и посадили»,— начала успокаивать себя Татьяна.

— Примут сегодня передачку-то? — прервала ее рассуждения стоявшая за ней женщина примерно одного возраста с Татьяной. Одета она была в бардовое чуть ниже колен пальто с темно-серым меховым воротником, на голове была надета черная, пошитая под шляпку зимняя шапочка, на ногах были надеты коричневые легкие чулки, обута она была в черные кожаные остроносые полусапожки. На руках надеты черные лайковые перчатки.— А то я недавно приходила и у меня передачку не приняли.

— А почему же не приняли-то? — спросила у нее Зинаида.

— Не знаю. Не приняли и все, ничего не объясняя,— ответила женщина, и после ее слов вновь все замолчали.

— Не холодно вам в таких тоненьких чулочках на морозе стоять? — спросила у нее Оксана, глядя на ее тонкие чулки, и во взгляде ее сквозила зависть.

— Немного холодновато,— улыбаясь, ответила женщина.— Но ничего, не замерзну. Я здесь недалеко живу, вот передам передачу, приду домой и согреюсь.— Ее темные глаза на слегка полном и румянном от морозца лице ровным счетом не выражали никакого сочувствия, как это было заметно у большинства ожидавших своей очереди женщин. Даже наоборот, в них отражался любопытный взгляд на стоявших людей, их сумки, плетеные корзины и даже мешки.

— А у вас здесь тоже кто-то из близких сидит? — спросила у нее Татьяна.

— Муж,— кивнула головой женщина.— Мы с ним на войне познакомились. Я на войне связисткой была при штабе, а он штабной офицер, вот там и познакомились. После войны нас не демобилизовали, а оставили служить в Германии. Муж был начальником продовольственной службы полка, а я телефонисткой, и только в сорок восьмом нас с ним демобилизовали. Он не стал возвращаться к своей семье, а приехал со мной сюда в Тулу, на мою родину. Я устроилась работать телефонисткой на телефонную станцию, а Виктору предложили стать завмагом, он человек образованный, да и опыт большой имел в этом деле. Жили мы с ним не бедно. Дачу за городом собирались построить, и вдруг под самый Новый год ревизия нашла у него крупную недостачу. Чтобы эту недостачу покрыть, нужны были большие деньги, у нас таких денег не было. Вот сидит теперь здесь за хищение, уже скоро суд будет.

— А где же семья-то его? — спросила Зинаида.

— На Урале.

— И детишки есть?

— Да, есть и детишки,— ответила женщина.— Да какие они теперь уже детишки? Уже, наверное, все взрослые люди. А у меня вот детей нету. И никогда не будет,— с грустью в голосе проговорила она. А затем вздохнула и отвела взгляд в сторону.

— Прячьешь глазщищи-то свои бесстыжие! — вдруг громко произнесла стоявшая за ней старуха.

От громкого голоса женщина вздрогнула, оглянулась назад и взглянула на старуху. Маленькая и толстая, похожая на куклу-неваляшку, одетая по-крестьянски в фуфайку, валенки и платок, она буравила женщину злым взглядом серых выцветших глаз на округлом, словно опухшем лице.— Бесстыжая, семью разрушила, детей без отца оставила. Все беды от таких, как ты! Раздавила бы, как гадюку! — лицо старухи то ли от мороза, то ли от гнева было красным, глаза слезились, и нельзя было понять — это слезы боли за оставшихся без отца детей, слезы ненависти к виновной в том женщине, или это слезы, выступившие от яркого, искрящегося от солнечных лучей, снега.— Поэтому Бог тебе и детей не дает, из-за твоего бесстыдства. И мужик твой — человек не порядочный, раз семью бросил. Да и хапуга, видать, хороший, раз недостачу нашли. Воровал, наверно, много, тебе все тащил. Вон разодета-то как, как барыня! — не унималась старуха.

— Что вы обо мне знаете, чтобы судить меня? — женщина смотрела на старуху пронизательным взглядом, лицо ее побелело.— В то время, пока вы там у себя в деревне под немца стелились, я воевала. Я, между прочим, на фронт добровольно пошла, а детей я не имею от того, что меня на войне ранило осколком в живот, а не от того, о чем вы подумали. А если я человека встретила хорошего и полюбила его, то в чем моя вина? Или вы сами никогда не любили? — она достала из сумочки портсигар, взяла папиросу и, чиркнув спичкой, закурила, нервно затягиваясь табачным дымом.

«Женщина, ну что вы и в самом деле напали на нее?», «Что она вам плохого сделала?», «Прекратите ее обзывать!», «Как вам не стыдно?», — стали раздаваться голоса, и старуха замолчала, лишь изредка бросая злобный взгляд в сторону совестивших ее людей, при этом нервно жуя губами и прищуривая глаза.

Так за разговорами незаметно подошла Татьяна очередь, и она вслед за Оксаной и Зинаидой, вошла в комнату свиданий и приема передач. В комнате было многолюдно и шумно. У дальней стены стоял длинный стол, за которым сидела женщина в военной форме и задавала вопросы подходившим к ней посетителям, а услышав ответ, начинала перелистывать толстый журнал, выискивая нужную ей фамилию. На вид ей было чуть больше сорока лет. Ее собранные на затылке и заколотые шпильками черные волосы тронула седина, а ярко накрашенные губы и искусственно наведенный румянец на лице не скрывали болезненной бледноты.

— Следующий! Фамилия, имя, отчество и год рождения заключенного, его адрес? — спрашивала она громким охрипшим голосом.

— Фролов, Анатолий Павлович, 1920 года рождения, родился в Черепети,— быстро, почти скороговоркой, ответила Зинаида.

Женщина раскрыла журнал на нужной ей странице и начала водить пальцем по листу.

— Есть такой,— ответила она.— Передачу привезли?

— Да, продуктов и папирос.

— Не больше пяти килограммов.

— А поболее-то нельзя? — спросила Зинаида, заглядывая женщине в глаза просящим взглядом.

— Больше нельзя,— ответила та.— Проходите к весам,— она указала пальцем в сторону мужчины в военной форме, от которого уже уходила Оксана.

— Кладите продукты на весы,— приказал тот. На вид ему было около пятидесяти лет, он был высокого роста и среднего телосложения. Под синей форменной фуражкой седые волосы. Через левую его щеку пролегал шрам.— Все, пять килограммов, остальное забирайте назад.

— А поболее-то нельзя? — вновь спросила Зинаида.

— Нет, нельзя,— ответил мужчина, внимательно рассматривая Зинаиду черными с прищуром глазами.— Валя, где у нас Фролов содержится? — спросил он у женщины. Та начала листать толстый журнал со списком арестантов.

— Фролов Анатолий Павлович, двадцатого года рождения, Черепеть, в тридцатой камере,— ответила она ему и тот, собрав с весов содержимое, сложил в специальный мешок, написав на нем цифру 30. Затем отложил мешок в сторону.

— Следующий! — громко сказала женщина, и Татьяна не без волнения подошла к ней.

— Фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства арестованного?

— Петров, Мирон Матвеевич, 1907 года, деревня Озерки Шахтерского района,— ответила Татьяна.

Женщина вновь начала перелистывать журнал арестантов.

— У нас такого нет,— сказала она после долгого перелистывания журнала.

— Как нет? — Татьяна растерялась от такого ответа.

— Нет такого,— вновь подтвердила женщина.— Давно здесь находится? — спросила она.

— Давно. Его в январе сорок второго года осудили. Сначала в крапивенской тюрьме держали, а потом уже сюда в тульскую тюрьму перевели.

— А когда в последний раз приезжали сюда? — вновь спросила женщина, не переставая листать страницы журнала.

— В прошлом году в январе. Спрашивала, когда его отпустят домой, десять лет уже прошло, но мне сказали, что пока здесь сидит. Здесь тогда не вы были, а другая женщина, и мужчина тоже другой был, которые мне говорили,— пояснила Татьяна. Она разволновалась, мысли в голове стали путаться, мешая сосредоточиться, а голос задрожал.

— Я вас поняла, подождите минуточку,— распорядилась женщина и повернулась к сослуживцу.— Вась, подай мне журнал выбывших, он вон там в том дальнем сейфе лежит,— она указала рукой на сейф. Мужчина подал журнал.— Так, так, будем искать здесь,— проговорила она вполголоса и, раскрыв журнал на нужной ей странице, начала водить пальцем.— Петров, Петров... ага, вот, нашла. Петров Мирон Матвеевич, одна тысяча девятьсот седьмого года рождения, деревня Озерки, Шахтерского района, Тульской области, осужден в январе сорок второго года особым совещанием

по пятьдесят восьмой статье на срок десять лет без права переписки. Все правильно? — спросила она.

— Да, да, это муж мой. Где он? Почему он уже лишний год сидит? Его что, куда-то сослали? — взволнованно начала спрашивать Татьяна.

Женщина замолчала. Лицо ее неожиданно покраснело, она отвернулась от Татьяны и взглянула на своего коллегу. Тот молчал. Шрам на его лице побагровел, веко правого глаза задергалось.

— А вам никакие извещения не присылали? — спросил он у Татьяны.

— Нет, ничего нам не присылали, — ответила она. — Так где же он, муж мой? Его что, сослали куда-то? — Татьяна разволновалась пуще прежнего. — Или ему новый срок дали? Почему вы молчите? — почти крикнула она, устремив взгляд на мужчину, тот отвернулся. Татьяна перевела взгляд на женщину.

— Помер он, — ответила та.

— Как помер?! — не поняла Татьяна.

— Как, как? Как люди помирают, так и он помер. Жил, жил, а потом раз и нет человека, — ответила женщина. — Уже три года как от чахотки помер. Вы присядьте вон там на лавочку, — женщина указала рукой на стоящую вдоль стены длинную скамейку, — мы вам сейчас справку выдадим о смерти, раз вы ничего не получали, — сказала она.

Татьяна ощутила, как на нее вдруг напало какое-то нехорошее состояние. Как оно, это состояние, окружило ее, начало до онемения, до бесчувствия выкручивать руки и ноги, стало сдавливать в висках голову, огнем выжигать в груди, душить ее и швырять в глаза мелкие мошки. Много мошек, десятки, сотни, тысячи мошек. Они закружились вихрем вокруг нее, а вместе с ними закружилось и все вокруг — стены, потолок, пол, стол для приема передач, люди, и как это нехорошее состояние больно ударило ее и прижало спиной к чему-то холодному, мокрому и грязному... В себя она пришла на улице. Куда ее, потерявшую сознание, подняли с пола и вынесли на свежий морозный воздух находившиеся в комнате люди. Расстегнули ей пальто, ворот, натерли снегом грудь, шею, лицо и руки. Вышедший к ней тюремный врач, небольшого роста худощавый мужчина пожилого возраста, поднес к ее лицу пропитанную нашатырным спиртом вату, протер ею виски, дал выпить воды.

— Ну, как вы себя чувствуете? Вам лучше? — спросил он, внимательно смотря на Татьяну из-под толстых стекол роговых очков. Из-под его шапки-папахи выбивались пряди седых волос.

— А может быть, это не он умер? Может быть, это какой-нибудь другой Петров умер? — стала спрашивать у доктора Татьяна, крепко схватив рукой за его брошенное поверх белого халата пальто.

— Как вы себя чувствуете? — вновь спросил доктор, но Татьяна молчала, продолжая удерживать его за рукав пальто. — Помогите завести ее в помещение, — попросил он у стоявших у двери людей.

Несколько человек приподняли Татьяну и провели в комнату, усадили на скамейку.

— Как вас зовут? — задал вопрос доктор.

— Татьяною.

— Откуда вы приехали? — вновь спросил он.

— Из Шахтерска.

— А вы знаете, где сейчас находитесь?

— Да, знаю.

— Где? — задал доктор наводящий вопрос, видя, что Татьяна замолчала.

— Я приехала в тюрьму, мужу передачку передать, — ответила она.

Доктор вопросительно взглянул на стоявшую рядом женщину-надзирательницу.

— Да, она все правильно говорит,— подтвердила та слова Татьяны.

— Ну, я больше никаких для нее опасений не вижу. Она адекватно воспринимает действительность,— сказал доктор и хотел уйти, но Татьяна вновь вцепилась руками в его пальто.

— Может быть, это ошибка какая? Может быть, он жив? Почему же в прошлом году у меня передачку взяли для него? Почему? — стала спрашивать она и по ее щекам потекли слезы.

— Поезжай домой, милая,— проговорил доктор, и, осторожно освободив из Татьянинных рук свое пальто, поспешно ушел.

Татьяна не помнила, как ей вручили справку о смерти мужа, как она садилась в автобус и как ехала домой. По Озеркам она шла медленно, волоча за собой сумку. Платок сбился с ее головы, пальто было расстегнуто. Встречавшиеся ей на пути деревенские жители с удивлением и с тревогой смотрели на нее, о чем-то спрашивали, пытались застегнуть пальто и поправляли ей платок, но она никого перед собой не видела и ничего не слышала.

Матвей Кузьмич сидел на табурете и смотрел в окно, внуки гуляли на улице. Татьяну он увидел, когда она подходила к дому. Он сразу заметил произошедшие с ней изменения. Расстегнутое и перепачканное грязью пальто, съехавший на бок платок, из-под которого выбились растрепанные волосы, почти волочащаяся по снегу не опустошенная от продуктов сумка, испугали его, внесли в его разум нехорошие мысли, в сердце беспокойство, а в душу леденящий страх. Он постарался отогнать от себя нехорошие мысли, выгнать страшные предчувствия, но они, словно змей, опутывали его и все сильнее и сильнее сковывали руки и ноги. Как Татьяна входила в калитку, он не увидел, услышал лишь привычный скрип петель. С трудом поднялся Матвей с табурета и еще труднее ему далися шаги, когда он направился к двери встречать Татьяну. Он уже слышал, как она поднималась по порожкам, а он все никак не мог дойти до двери. Он словно тащил за собой налившиеся свинцом ноги, и каждый его шаг доставался ему с огромным трудом. Каждый его шаг с болью отзывался в сердце, большим церковным колоколом звонил в голове, отнимал у него последнюю надежду. Каждый его шаг отнимал у него годы жизни. Он не расслышал, как Татьяна постучала в дверь, а скорее сам машинально отодвинул засов. Сноху он не узнал. Это была не Татьяна. Это была чужая, страшная, с пустыми глазницами вместо глаз и с отсутствующим взглядом женщина. Его страшные опасения оправдались, в дом вошла не Татьяна, в дом входила — смерть.

— Что? — тихо спросил Матвей, глядя на сноху.— Что там? Почему сумка полная? Ты что, передачку не передала? — начал спрашивать он каким-то чужим, вмиг осипшим голосом. Его губы дрожали, он с трудом стоял на ногах. Татьяна молчала. Она долго не могла снять с себя платок не слушающимися руками. Наконец, она стянула его с головы и бросила на пол.

— Что?! — вновь спросил Матвей Кузьмич и, схватив Татьяну за ворот пальто, начал трясти ее.— Что?! Говори! — крикнул он в голос.

Татьяна заплакала и, словно стесняясь своих слез, уткнула лицо свекру в жакетку. Матвей Кузьмич все понял. Откуда-то из глубины души, мешая дышать, к его горлу подкатился ком, в сердце засадило, в голове зашумело. Он прижал к себе сноху и затряс головой. Плакал Матвей тихо, без криков и воплей, лишь при вздохе, когда он хватал сухим ртом воздух, в легких слышался какой-то страшный посвист, да при выдохе едва слышался исходивший из души стон. При каждом потрясании головой его седые волосы спадали на лоб, но он этого не замечал, слезы ему застилали глаза, стекали по впалым щекам, солью оседали на усах.

— Крепись, Татьянушка, крепись, милая, что же теперь поделаешь? На все Божья воля,— каким-то чужим, срывающимся голосом сквозь душившие его слезы произнес он и провел рукой по Татьяниним волосам. И та дала волю своим чувствам — зарыдала в голос, заохала, запричитала и медленно сползла на пол, подергивая при этом плечами. Матвей Кузьмич опустился рядом с нею на колени, прижал к себе.

Они плакали долго, а когда выплакались, замолчали опустошенные от навалившегося на них горя.

— Вставай, Татьянушка,— тихим голосом произнес Матвей Кузьмич, поднимаясь с пола и помогая подняться Татьяне.— Вставай, а то сейчас дети с улицы придут, напугаешь их,— проговорил он и вновь смахнул с глаз наворачнувшуюся слезу.

Татьяна поднималась медленно. Вздыхала при каждом движении, всхлипывала, вытирала рукой мокрые от слез глаза.

Вскоре пришли и Васька с Колькой. Увидев приехавшую мать, они бросились к ней в объятия.

— Mam, ты нам никакого гостинчика не купила? — спросил Васька.

— Нет, не купила,— ответила она и, прижав к себе детей, вновь заплакала. Матвей потряс ее по плечу, давая таким образом понять, чтобы она при детях сдерживала свои чувства.

— Дед, а почему мама плакала? — спросил у Матвея Кузьмича Колька после того, когда Татьяна ушла в комнату и закрыла за собой дверь.

— У нее голова болит,— ответил тот.— Пусть мама немного поспит,— сказал он.

— У нее тогда голова пройдет? — спросил Колька.

— Когда поспит, тогда пройдет,— кивнул Матвей Кузьмич головой.

— А почему она нам гостинчика не купила?

— Некогда было, автобус уезжал, а она боялась на него опоздать,— вновь соврал дед внукам.

— А когда она в магазин пойдет, купит нам гостинчика? — спросил Колька.

— Купит. Ну, хватит вам мне докучать. Идите, поиграйте во что-нибудь,— приказал он внукам.

— А можно мы опять на улицу пойдём?

— Можно, только далеко не убегайте,— приказал он.

После того, как внуки ушли, Матвей Кузьмич осторожно подошел к двери комнаты, в которую ушла Татьяна и, приложив ухо, прислушался. За дверью было тихо. «Кабы чего не начередила над собою»,— тревожно подумал он.

— Татьянушка, ты спишь, ай нет? — негромко спросил он.

— Нет, не сплю. Я скоро выйду,— ответила из-за двери Татьяна.

Постояв еще немного у двери, Матвей Кузьмич ушел на кухню и присел на табурет. Спустя некоторое время из комнаты вышла Татьяна.

— Надо жить, Татьянушка, надо жить, голубушка. То, что случилось, на то воля Божья, а нам надо с этим горем смириться и жить дальше, так как жили до этого.

— Как же жить-то теперь, когда знаешь о таком горе? — вздохнув, спросила Татьяна.

— Бога просить надо, чтобы терпения дал. Я — старый уже, а тебе надо жить и ребятишек поднимать. Изведешь себя горем, детишки твои никому будут не нужны,— тихо произнес Матвей Кузьмич, глядя на сноху.

— Да, надо жить,— согласилась та, отворачивая от свекра опухшее от слез лицо. Затем повязала на голову косынку, убрала под нее волосы, надела фартук и подошла к печи, — позови ребят с улицы, ужинать будем,— сказала она.

